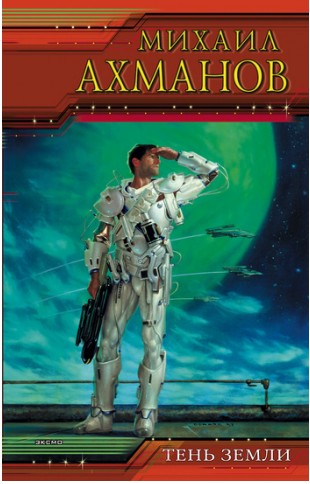

Михаил Ахманов
Тень земли
Серия «Дик Саймон», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130426*

Аннотация

Прошло триста лет от начала космической экспансии человечества. Заселенные людьми новые планеты объединены возможностью гиперпространственных перемещений. Но есть лишенные этого Закрытые Миры, и в их число попала прародина человечества – Старая Земля. Исправить эту ошибку берется опытный разведчик – Дик Саймон. Ему нет равных в рукопашной схватке, ведь он обучался боевым искусствам у четырехруких воинов планеты Тайяхат. Но на ставшей средоточием зла Старой Земле даже ему приходится нелегко...

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	25
ГЛАВА 3	39
ГЛАВА 4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Михаил Ахманов

Тень Земли

*Автор доводит до сведения читателей:
все совпадения имен и названий в этой книге,
кроме географических, случайны.*

*Автор благодарит Анну Теплову
за предоставленную возможность использовать
фрагменты ее стихотворений.*

Мертвые тени на мертвой Земле
Последнюю пляску ведут,
И мертвые ветры, вздымая пыль,
Протяжно над ними поют.
Змеится, кружится их хоровод
Меж кладбищ, руин и гор,
Сплетая тени Земли и ветров
В призрачный смертный узор.

*Мигель-Майкл Гилмор,
поэт из Рио-де-Новембе,
«Пятый Плач по Земле»*

ПРОЛОГ

Чочинга Крепкорукый, Наставник воинов из клана Теней Ветра, был для Ричарда Саймона хорошим учителем. Поистине так; ведь тот учитель хорош, чьи слова помнишь годами, чьи советы полезны и мальчику, и мужу, в чьих речах с течением лет открываешь все новый смысл и новую глубину, ибо подобны они ларцам, запрятанным друг в друга, в последнем из коих, самом крохотном, хранится бесценный бриллиант. И хоть до этого сокровища Ричард Саймон еще не добрался, но уже понимал, что ларцов – не один, не два, а, быть может, целый десяток.

Они раскрывались с неторопливостью, и в каждом, кроме очередной шкатулки, лежал какой-нибудь дар – верней, не какой-нибудь, а в точности тот, который Ричард Саймон готов был принять, осмыслить и применить на деле. В отрочестве всякое Поучение Чочинги и всякий Ритуал казались ему незыблемыми правилами, аналогичными Кодексу ООН, но сотворенными иной разумной расой – тайят, четырехрукими аборигенами Тайяхата, которые, в сущности, тоже были людьми. Пусть не такими, как земляне, проникшие на Тайяхат сквозь устье Пандуса, но все-таки людьми, – а значит, их жизнь подчинялась законам, пусть неписаным, не занесенным в компьютер, но столь же ясным и непреложным, как на любой из человеческих планет.

Правил и Ритуалов у тайят было множество – не меньше, чем законов у людей. Как нанести оскорбление и как ответить на него, когда горевать и когда веселиться, как оказать другу почет и как устроить врага, как поминать предков, как найти пищу в горах и лесных дебрях, как раствориться среди трав, зарослей и камней, стать невидимым и неслышимым, песчинкой меж гор песка, листком в древесной кроне... Как говорить с животными, предлагая им мир или бой, как отвести угрозу и успокоить хищника, когда напасть, когда схитрить, где удариться в бегство, а где – стоять насмерть... Таков был дар из первого ларца, преподнесенный Дику – юноше с прозванием Две Руки, что обитал со своим отцом-ксенологом в женском поселке Чимара на склонах Тисуйю-Амат.

Второй ларец раскрылся на Колумбии, в Учебном Центре ЦРУ. На первый взгляд учили там другому: истории, прежней земной и новой, касавшейся Великого Исхода, Разъединенных Миров и расселения среди звезд; языкам и методам связи, основам межзвездной транспортировки, логике и психологии, химии и медицине, искусству повелевать компьютерами и очаровывать людей. Не оставалась забытой и практика, необходимая полевому агенту, – как взорвать и как разрушить, как заморозить и испепелить, как управиться с вертолетом, глайдером и боевой капсулой, как проплыть десяток лиг¹ в ледяном океане, как вскрыть любой замок и как убить – пулей, рукой, ножом или лучом разрядника. Другой мир, иные науки, другие наставники... Суть, однако, оставалась прежней: как выжить и как победить. Суть не изменялась оттого, что схватку называли операцией, победу – выполнением задачи, а наградой служила пометка в личном файле – вместо ушей, черепов и пальцев на Шнуре Доблести воина-тай. И Ричард Саймон, преодолев весь курс наук, решил, что Поучения Чочинги понятней и ясней, чем лекции его инструкторов – даже Дейва Уокера, который выражался определеннее прочих. Так, например, Чочинга говорил: «Отрезав врагу уши, не забудь про печень», – и эта емкая формула покрывала все, что можно сказать о мерах предосторожности на поле битвы. «Значит, – решил Саймон, – обычаи тай могут служить надежной опорой – более надежной, чем человеческие законы, где жесткая суть деяния маскировалась пото-

---

¹ Лига – единица расстояния, принятая ООН наряду с километром в качестве одной из международных мер; составляет около 4,6 км.

ком лишних слов». И этот вывод был справедлив и абсолютно верен – особенно в рамках избранной им профессии.

Но ларцы продолжали раскрываться – на Латмерике и Аллах Акбаре, России и Сайдаре, Таити и Гималаях, во всех мирах, куда его посылали *pro mundi beneficio*² и где ему полагалось вершить скорый и справедливый суд. Он уже не был Диком Две Руки с далекого и экзотического Тайяхата, не был и Ричардом Саймоном, одним из многих, стажировавшихся в Центре; теперь он стал агентом DCS-54, избранным для особой миссии, и только кличка – Тень Ветра – служила напоминанием о его корнях. Разумеется, для людей посторонних; сам он не мог позабыть Тайяхат хотя бы потому, что этот мир с повышенным тяготением являлся его родиной и в прочих мирах, освоенных человеком, Саймону временами чудилось, что он, как воздушный шар, вот-вот поднимется в воздух. Было и многое другое, соединявшее с Тайяхатом крепкой нерасторжимой цепью: отец, который остался в Чимаре, в их домике под деревом шой; Каа, изумрудный тайяхатский питон, прощальный дар Чочинги; Шнур Доблести, где костяшки пальцев и диски, выпиленные из черепов, соседствовали с клыками саблезуба; память о первой девушке, о Чие, и первом враге, которого он убил. Но, если не считать отца, пребывавшего в добром здравии на мирных склонах Тисуйю-Амат, самым важным звеном связующей цепи являлись Поучения – то, о чем говорил Чочинга. Прах Наставника уже истлел в Пещере Погребений, но ларцы его мудрости продолжали раскрываться, и в каждом для Саймона был приготовлен подарок.

– Пока уши твои на месте, Две Руки, внимай и запоминай – и ты, быть может, сохранишь их целыми, – говорил Чочинга. – Взгляни вокруг, и ты увидишь земли мира и земли войны; землями мира владеют женщины, в них мужчина – гость, который, возмужав, уходит, дабы растратить свою силу, свершая предначертанное. Женщин влечет покой, мужчин – борьба, и в том отличие меж ними, и следуют они своим Путем, и пока вершится так, нет у них повода для споров и ссор, ибо дороги их разные.

Немногое можно сказать о женском Пути: прям он, широк и ясен, и нет в нем тайного и скрытого. Небесный Свет и Четыре Звезды сияют над теми, кто ходит по землям мира, и не нужны им ухищрения и тайны, ибо нет у них врага и нет Ожерелья Доблести, и сердце их жаждет не битв и почестей, а только любви и покоя. Но Путь мужчины – иной; к тому же то не единственный Путь, а множество Путей, какими ходят воины различных кланов. Ведь каждый из нас выбирает себе соратников, ибо без них мы не добьемся ни чести, ни славы и не услышим похвальную речь, и тогда все наши подвиги и победы просочатся в песок водой забвения, а не лягут прочным камнем в долинах памяти.

Поэтому мы выбираем клан – дабы гордиться славой среди соратников и близких и петь Песни Вызова под грохот их щитов. И ты, Две Руки, тоже избереешь его, отправившись в земли битв, в лес у подножия Тисуйю-Амат и в иные места, где ваши воины звенят клинками и мечут огненные копья. И должен ты ведать Пути всех кланов – ибо, не зная их, не найдешь ты дороги к победе, тропы к отступлению или ручья, в котором затеряется твой след во время бегства. Поэтому слушай и запоминай!

Вот Путь Горького Камня, чьи воины мечут дротики и обломки валунов; мечут так, будто сами летят со снарядами, направляя их в цель, и потому удар их страшен. И горек вкус у валуна, когда дробит он череп и ломает ребра! Горек вкус смерти, а горше его – вкус поражения и позора. Воистину горькие камни у Горьких Камней...

Вот Путь Извилистого Оврага – внезапный, как трещина в земле, когда колеблет ее огнем из недр. Тянется щель, и на каждом шагу – повороты, завалы и ямы; и схватка подобна такой же извилистой трещине: удар внезапен, резок и силен, и не поймешь, куда нацелены клинки и где поет секира, а где свистит копьё.

² *Pro mundi beneficio* – во благо мира (лат.).

Вот Путь Теней Ветра, наш Путь: никто не видит тебя, а ты видишь всех, ты прячешься среди скал и деревьев, трава не шуршит под твоими ногами, тело не испускает запахов, кожа покрыта лиственным соком и обсыпана землей. Таков Путь Теней Ветра, и я, обучая воинов, говорю: «Стань эхом тишины, стань мраком во мраке, травой среди трав, птицей среди птиц, змеей среди змей, отблеском лунных лучей в быстрых водах; стань тенью ветра, ибо невидимый ветер все-таки можно ощутить, тогда как тень его незрима и неосязаема. Сделай это – и нанеси удар!»

Вот Путь Смятого Листа, скрывающий силу твою и умения: должен ты выглядеть жалким и тощим, как полумертвый червяк, что копошится в гнилых листьях. Ноги твои должны быть согнуты, спина – сгорблена, руки – свисать до колен, голова – опущена, взгляд уперт в землю... Ты – смятый растоптанный лист среди зеленых и сочных; ты слышишь оскорбления, но не подвластен гневу; ты видишь жест угрозы, но не отвечаешь на него. Ты таишься и хитришь! Таков Путь Смятого Листа, и я говорю: «Стань жалким червем, стань поникшей травой, не показывай своей силы, ибо разгадавший ее враг уже наполовину выиграл сражение».

Вот Путь Шепчущей Стрелы, прямой и быстрый: стремительно мчится она к цели, поет, рокочет, шелестит, и несет ее ветер и сила натянутой тетивы. Невидим глазу ее полет, неотразим удар; не остановят ее ни щит, ни шлем, ни пояс из стальных пластин, и лишь рукой смирят стрелы, вылавливая их подобно юрким рыбам в озере. Но этим искусством владеют немногие.

Есть и другие Пути – Путь Звонящих Вод и Холодных Капель, Путь Серого Облака и Горной Лавины, Путь Быстроногих и Путь Четырех Звезд. Сколько кланов, столько хитрых путей!

Так говорил Чочинга, и теперь, достигнув зрелости, Саймон мог оценить его Поучения лучше, чем юный воин Две Руки. Теперь он понимал, что все Пути кланов являлись тайными, но секрет, разумеется, был заключен не в проявлениях внешних и видимых, а в том, какими способами достигался результат. И было ему ясно, что лишь искусники вроде Чочинги постигли тайное и знали, как бродить по чужим дорогам, не забывая собственного Пути, и как отправить в такое же странствие других. Учеников, последователей, продолжателей...

Из этих трех вариантов Саймон мог избрать лишь ученическую стезю, ибо все-таки был он человеком, а не тайхатским аборигеном с четырьмя руками. Истинным продолжателем дел Чочинги являлся его сын – не Чулут, кузнец, а Чоч, чьи уши и пальцы были целы, а Шнур Доблести столь длинен, что волочился по земле. Это было правильно и справедливо. Чоч, великий воин, пришел из тайхатского леса, с полей сражений, чтоб наставлять молодых, и это была дорога тай; Ричард Саймон сражался в своем человеческом лесу, и это был путь человека и землянина.

Но все же он оставался воином-тай и в иные моменты своей карьеры ощущал с пронзительной остротой свою принадлежность к Теням Ветра. Этот факт был столь же неоспорим и ясен, как и то, что Земля в конце двадцать четвертого столетия уже не являлась прежней Землей, но лишь ее слабым отблеском, Закрытым Миром, неясной тенью.

И наступил час, когда Тень Ветра пересеклась с тенью Земли.

Вот Путь Горького Камня, чьи воины мечут дротики и обломки валунов; мечут так, будто сами летят со снарядами, направляя их в цель, и потому удар их страшен. И горек вкус у валуна, когда дробит он череп и

ломает ребра! Горек вкус смерти, а горше его – вкус поражения и позора.
Воистину горькие камни у Горьких Камней...

Из Поучений

Чочинги Крепкорукого

ГЛАВА 1

АГЕНТУ: DCS-54

КОЛУМБИЯ, РЕЗИДЕНЦИЯ ДИРЕКТОРА ЦРУ

КЛИЧКА: Тень Ветра

ФАЙЛ: 19551-25

ДИРЕКТИВА: 01/12004-MR

СТЕПЕНЬ СЕКРЕТНОСТИ: А

ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ: Старая Земля

СТАТУС: Закрытый Мир. Каналы Пандуса заблокированы в 2072 году. Ориентировочный диаметр сферы помех, препятствующей межзвездной связи, около 1,2 парсека.

ПЛАНЕТОГРАФИЧЕСКОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ:

Гравитация: 1,00 стандартной.

Суточный оборот: 1,00 стандартного.

Годовой оборот: 1,00 стандартного.

Звезда: класса G, светимость 1,00 стандартной величины.

Исторические сведения: смотри информацию о российско-украинском конфликте.

Климат: умеренный, субтропический и тропический стандартный – по данным на 2072 год. Современное состояние неизвестно. Возможны резкие климатические изменения, связанные с двумя факторами, – надвигавшейся экологической катастрофой и разрушениями земной коры, возникшими в процессе межзвездной транспортировки городов и крупных промышленных объектов.

Сведения о суше: детальные карты – по состоянию на 2072 год – прилагаются (занесены в коммуникационный браслет вместе с настоящей директивой). Современная ситуация неясна. Можно предположить, что большая часть Европы, Южное и Восточное Средиземноморье, Индия, Китай, Североамериканский материк от пятидесятой до двадцатой параллели являются полностью безжизненными зонами – вследствие воздействия трансгрессора. К сохранившимся регионам относятся Сибирь, Южная Украина и Крым, восточно-азиатские степи, Африка, Австралия и Южная Америка. Можно предположить, что пустыни и горные области также не подверглись значительным изменениям.

Сведения об океанах: современное состояние неизвестно. Нельзя исключить некоторого (или значительного) поднятия уровня Мирового Океана вследствие таяния полярных льдов.

Горы: как отмечалось выше, горные области подверглись незначительным изменениям. Возможно, увеличилась тектоническая активность в Южной Европе, Центральной и Восточной Азии и вдоль западного побережья американских материков.

Внутренние моря: вполне достоверна информация о том, что Каспийское море слилось с Азовским, Черным и Средиземным, а на месте Великих американских озер образовался обширный эстуарий, соединенный с Атлантическим океаном. Более сведений не имеется.

Крупнейшие реки: Миссисипи, Нил, Дунай, Волга, Хуанхэ, Янцзы, Инд и Ганг – исчезли. Конго, Тигр, Евфрат, Амазонка и сибирские реки, видимо, в какой-то степени сохранились.

Полярные шапки: состояние неизвестно. Возможно, Гренландия полностью освободилась от льдов, а Антарктида – частично.

Магнитные полюса: их положение практически не изменилось.

Естественный спутник: не пострадал. На Луне, как и на прочих планетах Солнечной системы, не проводилось широкомасштабных транспортных работ. Весь персонал исследо-

вательских станций (Луна, Марс, Венера, Меркурий, Пояс Астероидов) был своевременно эвакуирован.

Искусственные спутники: большей частью демонтированы или переброшены через Пандус в звездные системы Большой Десятки. Об оставшихся искусственных спутниках достоверно известно следующее:

1. Боевые комплексы на земной орбите отсутствуют;
2. Ретрансляторов, модулей связи, метеорологических спутников не имеется;
3. Из крупных объектов присутствуют индийская астрономическая станция (полностью законсервирована) и русский спутник «Пальмира». Последний использовался в качестве санатория и, предположительно, находится в работоспособном состоянии.

Станции Пандуса: к моменту блокировки межзвездной связи на Земле оставалось тридцать семь установок Пандуса, предназначенных для перемещения особо крупных объектов. Тридцать две из них сосредоточены на спорной территории, в Крыму и в районе городов Харьков, Донецк, Днепропетровск, Кривой Рог, Николаев, Херсон, Одесса. Подробные карты прилагаются.

Примечание: все станции были укомплектованы международным персоналом – гражданами Украины, России, Китая, Соединенных Штатов, Канады и европейских стран.

ПРИЧИНА РАССЛЕДОВАНИЯ: устойчивое на протяжении трех веков отсутствие связи со Старой Землей, блокировка каналов Пандуса начиная с 2072 года, что позволяет классифицировать Солнечную систему как Закрытый Мир.

ВОЗМОЖНЫЕ ГИПОТЕЗЫ: не санкционированное украинскими властями включение передатчика (или передатчиков) помех. Данную акцию могли осуществить функционеры двух противоборствующих сторон: фронта «Русская Дружина» и партии «Радяньска Громада».

Иные гипотезы отсутствуют.

Оценка производилась Аналитическим Компьютером «Перикл-XR20».

ПРЕДПИСАНИЯ АГЕНТУ: очевидными задачами являются ликвидация передатчика помех и общая рекогносцировка с целью сбора необходимого минимума сведений о Старой Земле. Однако, учитывая неопределенность существующих на Земле условий, неординарность операции и такие ее особенности, как возможность дальнейшего совершенствования импульсного трансгрессора (деструктора) и засылка новых агентов, нуждающихся в базе для своих действий и их разумной координации, агенту DCS-54 в первую очередь предписывается:

1. Выжить – как безусловная инструкция.
2. Вернуться – как инструкция, подлежащая выполнению при технической возможности.

На время операции полномочия агента DCS-54 не ограничены.

СРОК ИСПОЛНЕНИЯ: Ориентировочно – тридцать суток.

ПОДПИСЬ: Личный штамп-идентификатор Директора ЦРУ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ОПЕРАЦИЮ: Э. П. Хелли, руководитель Учебного Центра ЦРУ.

ОПЕРАЦИЮ КОНТРОЛИРУЮТ: Н. А. Москвин, генеральный резидент ЦРУ в России, планета Россия; П. С. Конопченко, генеральный резидент ЦРУ на Украине, планета Европа.

* * *

Ричард Саймон, агент DCS-54 по кличке Тень Ветра, спал.

Крепкий молодой мужчина, уверенный в своих силах, опыте и удаче, он не испытывал тревог – даже в тех обстоятельствах, которые, если судить объективно, ничего хорошего не обещали. Но этот случай был не первым в его обширной практике, и потому он спал спокойно. Снилось ему далекое детство – Чия, Чочинга, отец и их домик в женском поселке Чимара, на склонах хребта Тисуйю-Амат.

Будто бы он прилетел туда в первый раз, десятилетним мальчишкой, смуглым и голоногим; будто сидит он в кабине «пчелки», с широко распахнутыми глазами, с кожаной ленточкой на висках, отливающей сероватым жемчужным блеском, – повязкой Теней Ветра; будто их голубой аппарат спускается вдоль каменной стены, а внизу, тихая и безмятежная, раскинулась Чимара.

Он снова видел каменное чело Тисуйю-Амат с едва различимыми чертами – гигантское, морщинистое, темное, исполосованное шрамами осыпей, рубцами трещин, причудливыми провалами пещер. Этот лик древнего титана венчал ледяной шлем о трех зубцах, похожий на выщербленную корону с хрустальными подвесками ледников. Два крайних спускались особенно низко, до широких плеч-перевалов, превращаясь там в бурные потоки; сверкающими пенными серпами они падали с отвесных склонов, вгрызались в каменные ребра, прыгали и грохотали среди скал, взметая в воздух мириады брызг, рождавших семицветную раду. Гигант в льдистом шлеме с руками-водопадами как бы сидел, опираясь на пятки и выдвинув колени, и на этом уступе тихо дремало селение. Ричард Саймон – нет, десятилетний Дик! – видел крохотные хижины, пылавшие перед ними костры, деревья шой с широкими кронами, запутанный узор тропинок и ручьев, фигурки людей и животных – все это было как бы выткано на травянистом изумрудно-зеленом ковре.

Каменный лик Тисуйю-Амат, что означало Проводы Солнца, вздымался с востока; на западе карниз, приютивший селение, был словно срезан гигантским ножом, и внизу темнело овальное озеро в зеленой раме бесконечного леса. Тайятский лес, куда уходят юные воины, чтоб обрести славу и честь! Место битв, земля войны! Дик знал, что он спустится туда, став мужчиной и воином, но до этого было еще целых шесть лет. Целая вечность!

Их вертолет, голубая «пчелка», спускался к поляне перед обширной пещерой, служившей жилищем Наставнику. Рядом, под деревьями шой с огромными пятипальными листьями, притулилась хижина; на крыше ее, на коротком флагштоке, полоскался вымпел ООН – голубое поле с десятью золотистыми кольцами и шестнадцатью звездами, символом Большой Десятки и Независимых Миров. Саймон Дик, знал, что эта поляна, эти пещера и хижина будут его домом – долгие-долгие годы, возможно – всегда. Ведь дом – это детские воспоминания, улыбка отца и суровый взор Чочинги, теплые пальцы Чии в ладони и свист птиц-певунов... Дом – это место, где ты был счастлив. И потому, вспоминая о доме, Ричард Саймон представлял не коттедж тетюшки Флори в Смоленске, на крутом днепровском берегу, не жилой блок Учебного Центра и даже не нынешнее свое жилище в Грин Ривер, штат Орегон, планета Колумбия, где ждал его верный Каа. Нет, в мыслях своих он возвращался в Чимару, в ту точку пространства и в те времена, когда все они были вместе – он, отец, Чочинга, Чия – и, разумеется, зеленый змей Наставника и его охотничьи гепарды, шаловливые Шу и Ши. Там был дом, и другого, как он полагал, не будет никогда.

Сон длился, и в счастливом своем сновидении Саймон снова видел Чочингу и отца. Наставник – высокий темный силуэт перед входом в пещеру – был озарен неяркими отблесками светильников, пылавших за его спиной. Сейчас, как и в детстве, он казался Саймону огромным, похожим на многорукого индийского демона или на древнего титана; его янтарные зрачки блестели, ноздри чутко подрагивали, темная антрацитовая грива вихрилась вокруг широкого лица. Он был нагим, если не считать обвившего бедра изумрудного змея, и от него исходило ощущение мощи и свирепой уверенной силы.

Саймон почувствовал руку отца на своем плече, услышал его голос:

– Чочинга, атэ имозу ко-тохара зеггу. Ко-тохара!

Тогда, в минувшей реальности, он не понял этих слов, не зная еще языка тайят. Но сейчас они были ясны и понятны.

– Чочинга, – промолвил отец, – я привел к тебе моего сына. Единственного сына!

Сон длился, сливаясь с воспоминаниями. Как прежде – в той, минувшей, реальности – Чочинга, грозный великан, поднял руки – все четыре руки, мощные, в буграх узловатых мышц; потом яростный блеск янтарных зрачков угас, дрогнули широкие брови, полные яркие губы растянулись в улыбке, и он запел.

Это была Песня Приветствия и Представления, которой согласно Ритуалу мужчины-тай встречает друга. Голос у Чочинги был сильный, глубокий; руки его мерно двигались в такт протяжной мелодии, он то простирал верхнюю пару перед собой, то проводил ладонями нижней по бокам, поглаживал блестящее змеиное тело, потом с неторопливостью вытягивал руки вверх и в стороны, показывая то на небеса, то на яркий солнечный диск, то на отца, то на Дика.

Губы Саймона зашевелились. Скованный сном, он улыбался и повторял каждое слово этой песни:

Я – Чочинга, носивший дневное имя Быстрой Копья,
Я – Чочинга, чье имя вечера Крепкорукий,
Я – Чочинга, чьи отцы Чах Опавший Лист
и Чеуд Потерявший Сына,
Я – Чочинга, чьи матери Хара Гибкий Стан и Хо
Танцующая В Травах,
Я – Чочинга из клана Теней Ветра, Наставник воинов,
Я – Чочинга Несчастный; брат мой Чу пал от ножа
Звонящих Вод,
Я – Чочинга Счастливый; брат мой Саймон стоит на пороге.

Эта песня не являлась Песней Вызова, предназначенной бойцу чужого клана, и потому Чочинга не поминал своих побед, имен убитых врагов, отрубленных пальцев и черепов, украшавших его Шнур Доблести, – как и того, что собственные его уши и пальцы целы и что за сорок лет сражений и поединков он не потерял ни ногтя, ни волоска. Он был великим воином! Его Шнур Доблести свисал до колен, его щиты были прочными, его копье летело до Небесного Света, а на его клинках не высыхала кровь. И умер он так, как пожелал, – на рассвете, что считалось у тай признаком благоволения судьбы.

Ричард Саймон, спавший в командном отсеке спутника «Пальмира», знал, что сейчас случится. Отец ответит песней на песню, потом Наставник, шагнув к ним, подхватит Дика, подбросит вверх и швырнет в траву. А потом... Кажется, когда он поднялся, отец велел ему сделать жест приветствия – согнуть руки и слегка развести их в стороны... А Чочинга сказал:

– Хорошо, что ты умеешь падать и подниматься. Всякий воин может упасть под вражеским ударом, но это не беда. Главное, вовремя подняться. Встать и отрезать врагу уши. Или пальцы – что тебе больше понравится. Пальцы даже лучше – костяшками можно украсить боевое ожерелье, Шнур Доблести.

Тогда Дик мог лишь мечтать о таком ожерелье. Но Ричард Саймон его имел, и было оно весьма длинным – правда, не до колен, как у Чочинги, но на ладонь ниже пояса. Обычно, отправляясь на задание, он брал его с собой, поскольку Шнур являлся отнюдь не сувениром, а реальной и весьма красноречивой летописью подвигов своего владельца. Но мысль сделать его подлинней давно не терзала Саймона – ведь человеческие обычаи иные, чем у тайят,

так что мерзавцы, которых он упокоил, не рисковали ушами и пальцами. Как правило, не рисковали. Случались и особые ситуации...

Сон, в котором он встретил Чочингу, сменился другим. Дик – почти взрослый, шестнадцатилетний – сидел на веранде их дома в Чимаре с учебным компьютером на коленях. Наступала ночь; закат, пылавший над лесом, померк, и над зубчатой горной стеной повисла луна – огромная, с темным пятном на серебристом диске, похожим на четырехкрылого посыльного орла. Где-то за спиной Дика, в полутьме, слышалось легкое дыхание Чии; он помнил, что в тот вечер она плела тростниковую фигурку Ши, охотничьего гепарда – ту самую, украшавшую теперь его коттедж в Грин Ривер. Тихо шелестел тростник, временами Чия что-то шептала, по экрану компьютера плыли схемы и графики, и ровный механический голос повествовал о былых временах, о канувших в вечность раздорах и ссорах, о Сергее Невлюдове, творце пространственных врат, и об Эпохе Исхода, когда трансгрессор – или Пандус, как его обычно называли, – распахнул дверь в необъятную и такую щедрую Галактику. В ней было множество миров, ничем не хуже Земли – девственных, чистых, гостеприимных и пустых; в ней всякому хватало места, – столько места, что любая страна и каждый народ могли заселить материк, или планету, или десять планет, если имелись к тому их воля и желание.

Саймон заворочался в широком кресле у пульта, досматривая сон. Список Разъединенных Миров мерцал на экране учебного компьютера, а под сомкнутыми веками спящего, накладываясь на ровные строчки, плыли видения планет – горы, леса, океаны, станции Пандуса, города, потоки глайдеров на шумных магистралях, лица, картины, пейзажи... Вот Миры Большой Десятки – Россия и Колумбия, где жили его родичи по матери и отцу, Европа и Латмерика, Аллах Акбар, Китай и остальные... Вот Независимые Миры... Он бывал на многих из них, но больше помнились Гималаи, мятежный князь Тенсинг Ло и Аляска, где испытывали первые фризеры. Вот Протектораты ООН, Миры Присутствия, Колониальные Миры... Тайяхат, – машинально отметил он, – родина... Вот Планеты-Свалки и Каторжные Планеты... Тид, где погиб Ноабу и где он встретился с Хаоми... Длинный список, очень длинный, но нет в нем ни Тизаны, ни Фейхада и Конго. И нет Земли, Старой Земли... Сайдара уже есть... наверное, есть... На Сайдаре он побывал пятнадцать месяцев тому назад, дождавшись высокой чести: первым скользнуть в дыру, пробитую в сфере помех импульсным трансгрессором.

Но сон уводил Саймона дальше, гася случайные воспоминания.

В ту ночь, пока Чия плела фигурку гепарда, он говорил с отцом. Странно! Бывают беседы, которые помнятся целую жизнь... А может, ничего в том странного нет – ведь говорили они о Закрытых Мирах, что было для Дика откровением. Потрясающим откровением! Ибо его компьютер, всезнайка «Демокрит», общаться на эту тему не пожелал.

– Закрытым Миром согласно принятой классификации называют планету, где блокирован канал межзвездной связи, – произнес отец. – Блокирован трансгрессор, понимаешь? То есть канал был, а затем исчез, потому что...

– ...разрушены станции Пандуса? – предположил в изумлении Дик.

– Нет. – Саймон-старший покачал светловолосой головой. – Пусть станции разрушены, взорваны и стерты в порошок – это не важно. Не важно, так как устья Пандуса могут раскрыться вблизи тяготеющих масс величиной с астероид, не то что с планету! И никакие станции для этого не нужны. Во всяком случае, так утверждают специалисты, и я не вижу повода им не верить. Перед Исходом нигде не было никаких станций – нигде, кроме Земли; тем не менее удалось отыскать и исследовать сотни миров, выбрать из них наилучшие и перебазировать промышленные объекты и города. Эти исследования и поиски, как ты знаешь, идут до сих пор, и любой человек с планетарной лицензией в кармане может отправиться в

девственный, но безопасный мир и вкушать там полное одиночество. А может переехать с семьей, со всеми родичами и друзьями, с компаньонами и родичами компаньонов...

Дик кивнул. Такие планеты назывались Мирами Присутствия, и в них мог обитать какой-нибудь меланхолик-одиночка или колония в пару тысяч человек. Там не было стационарных Пандусов, но и такие миры входили в систему Транспортной Службы ООН и посещались ее эмиссарами раз в месяц или раз в год – как того требовала планетарная лицензия.

И никаких проблем с каналами связи! Пандус работал всегда и везде, и длилось это более трех столетий, с Эпохи Исхода!

– Ты хочешь сказать, – он поднял взгляд на отца, – что эта... эта блокировка – точно замок, повешенный кем-то на дверь? Дверь заперта, и нельзя войти?

– Вполне уместная аналогия – дверь заперта, и нельзя войти, – с расстановкой произнес отец. – А, как ты понимаешь, природа не вешает замков и не запирает дверей на засовы. Иное дело – люди!

– Люди, которые там остались? Т а м? – повторил Дик, подчеркнув это слово, дабы не возникло сомнений, что речь идет о Земле. – Но почему? Для чего? И кому это нужно?

Ответа отец не знал, как не знали его в Транспортной Службе ООН и в Конторе – иными словами, в Центральном Разведуправлении. Вопросы «как?...» не существовало, поскольку Пандус, он же – пространственный трансгрессор, мог быть заблокирован с легкостью – высокочастотным радиосигналом, особым образом модулированным и излучаемым во всех направлениях. Эта помеха препятствовала точной ориентации поискового луча, который нащупывал лишь протяженный и непроницаемый сферический барьер, но не поразивший его источник. Сравнительно маломощные передатчики, упрощенный аналог радиотелескопов, могли прикрыть всю звездную систему на расстояние двух-трех светолет, блокировав каналы Пандуса и любую попытку проникновения извне.

Но зачем? Для чего?

Ответы могли быть разнообразными. Один уже получили – на Сайдаре, однако ту тайхатскую ночь, что снилась Саймону, отделяли от Сайдары десять лет и миллиарды лиг пространства. К тому же на Земле могли найтись совсем иные резоны...

Он заворочался, просыпаясь. В эти мгновения, на грани яви и сна, он будто мчался из прошлого в настоящее, минуя один за другим верстовые столбы событий. Они мелькали и уносились стремительно вдаль, сливаясь в серую пелену: семнадцать месяцев в тайятских лесах, четыре года в Учебном Центре, потом – операция в Латмерике, Сьерра Дьяблос, операция в России, Москва, операция в Гималаях, Непал, операция на Таити, плавучий город Парадиз, операция в Южмерике, Рио, операция на Тиде... Операция, операция, операция... Встречи и расставания, слезы и кровь, спасенные и отнятые жизни, пытки и месть, след от пули под правой ключицей, ожоги на шее и запястье... Сколь многое может случиться за двенадцать лет!

Но ум, привыкший логически мыслить, из многого отбирает главное. Главным же были два обстоятельства: импульсный трансгрессор, детище Транспортной Службы ООН, и агент ЦРУ с кодовым номером DCS-54. Ричард Саймон, Тень Ветра, круживший сейчас над Землей на расстоянии семидесяти лиг.

* * *

Раскрыв глаза, он осторожно приподнялся, держась за пульт. Огромный блестящий цилиндр «Пальмиры» вращался с царственной неторопливостью, и тяготение на внутренней его поверхности не превышало четверти земного. Здесь находились жилые отсеки, командная рубка, склады, гидропарк (в котором сейчас не было ни капли воды) и энергетический

модуль, питаемый от солнечных батарей, – их сверкающие ячейки обнимали станцию, придавая ей сходство с чудовищной многокрылой стрекозой. Ближе к оси тяготение падало, позволяя устроить всяческие забавы и аттракционы, – «Пальмира» хоть и являлась спутником-санаторием, но тут, как выяснил Саймон, скорей развлекались, чем лечились. Один торец цилиндра был ориентирован на Землю; в его середине зияла шлюзовая камера для приема челноков, окруженная широким кольцевым пространством, поделенным надвое. Большая часть этого пространства предназначалась для отдыхающих, выполняя роль смотровой палубы: тут стояли кресла, находился бар, и сквозь маломощные телескопы можно было любоваться земной поверхностью. В меньшей части располагался экипаж: кухня-столовая, люк служебного шлюза, пять кают вдоль недлинного коридора и рубка в самом его конце.

В этом отсеке Саймон провел уже четыре дня, потраченных на общую рекогносцировку и адаптацию после перехода, который был таким тяжелым и мучительным, словно его пропустили сквозь огромную мясорубку с плохо заточенными ножами. Обычные странствия с помощью Пандуса никаких болезненных ощущений не доставляли, но установка ИТ (импульсный трансгрессор, или деструктор, вырубавший канал в сфере помех) являлась неприятным исключением. В двояком смысле: во-первых, она причиняла жуткую боль, а во-вторых, ИТ был дорогой в один конец: позволяя забросить агента в Закрытые Миры, он никоим образом не гарантировал возвращения. И оттого Саймону чудилось, что после мясорубки он угодил в капкан – в гигантский капкан размером с целую планету, откуда нет ни выходов, ни лазеек. Это ощущение было столь же неприятным и угнетающим, как на Сайдаре, но там ему удалось за пару дней найти передатчик помех и снять блокировку. Сайдара была миром спящих, и там никто ему не мешал, кроме четверки взбесившихся роботов, а на Земле, похоже, обстоятельства сложились иначе. Зато и роботов здесь не водилось – ни роботов, ни компьютерных сетей, ни летательных аппаратов, ни баллистических ракет. Последнее вызывало у Саймона грустные мысли; он полагал, что без чего-то мощного и дальнобойного ему на этот раз никак не обойтись. Например, без «Вельзевула» с боеголовкой на сорок килотонн... Хотя «Огненный меч» и «Возмездие» ничем не хуже: поменьше дальность, побольше мощность, получше точность.

С минуту он прикидывал, что бы такое избрать, потом вздохнул и, раскрыв упаковку с концентратом, принялся за еду. Ни «Вельзевулов», ни «Мечей» у него не было, и в данный момент весь его арсенал мог поместиться в двух руках: «рейнджер» с запасными обоймами, тайятский нож тимару с лезвием бритвенной остроты и небольшой контейнер, где хранились фризеры и гранаты. Значит, средства доставки все же придется искать на Земле... Такой снаряд, чтоб долетел до лунного кратера Архимеда в Море Дождей и разнес проклятый передатчик в клочья...

Снова вздохнув, Саймон проглотил опостылевший концентрат, потянулся к пульту и щелкнул тумблером. Кроме телескопов на смотровой палубе, в его распоряжении были модуль планетарной связи с наружными антеннами, компьютер трехсотлетней давности и пеленгатор. Все прочее оборудование «Пальмиры» оказалось бесполезным – разумеется, кроме системы жизнеобеспечения, снабжавшей его водой и воздухом. Да и не было тут никаких хитроумных устройств: «Пальмиру», построенную в 2044 году, создавали для отдыха, а не для шпионских акций. Вероятно, она считалась последним российским имуществом, которое стоит забрать в Новый Мир, и потому провисела на орбите двадцать восемь лет, до самого конца Исхода. Перебазировать ее не успели, и теперь она кружила над Землей в компании с индийским астрономическим спутником. Но тот был совсем крошечным, и с него сняли все, включая сантехнику и световые панели.

Саймон медленно вращал верньер приемника. Шесть экранов, расходившихся над пультом овальными цветочными лепестками, оставались безжизненны и серы; на Земле – на этой Земле – отсутствовало телевидение, не говоря уж о лазерной и голографической связи.

Но радиосвязь была, и временами Саймон различал невнятный шелест людских голосов, музыку и даже песни. Вещали на трех языках, которые он знал, – на русском, украинском и арабском; еще – на татарском, монгольском и каких-то неведомых наречиях, вероятно, кавказских, где через каждые три слова поминался Аллах вкупе с пророком Мухаммедом. Траектория «Пальмиры» была наклонена под углом сорок пять градусов к плоскости экватора, так что спутник пролетал над Южной Америкой, Атлантикой, Сахарой, Иранским нагорьем и Сибирью; затем – над безбрежными просторами Тихого океана. В результате Саймон, ловивший передачи на длинных и средних волнах, лучше слышал то одно, то другое, что позволяло, вкупе с визуальными наблюдениями, сделать кое-какие выводы.

Он обнаружил, что большая часть Европы, Китай и часть Североамериканского материка изрыты гигантскими кратерами километровой глубины, чудовищными кавернами, оставшимися после транспортировки городов. Индия, Малая Азия, Пиренейский, Апеннинский и Балканский полуострова исчезли, равным образом как и Флорида, Япония, Британия и Панамский перешеек. Между Евразией и Африкой плескалось просторное море – конгломерат бывшего Средиземного, Мраморного и Черного, омывавшее теперь горы Кавказа, Ирана и пески Аравии. Гудзонов залив поглотил Великие американские озера и все Восточное побережье Штатов; Лабрадор сделался островом, Атлантика слилась с Тихим океаном на протяжении двух тысяч километров, а от Больших Антил остался только огрызок Кубы.

Разумеется, во всех этих зонах катаклизмов, какими сопровождалась глобальная трансгрессия, царило кладбищенское молчание – за исключением Крыма и Юго-Восточной Украины, где Пандус практически не применялся. Что касается Африки, Сибири, Австралии и Южной Америки, то они почти не изменились; в прошлом тут располагилось немного больших городов, а остальные – если не считать Австралии – были такими трущобами, что тратить на них энергию Пандуса явно не стоило. Забирали людей, не ветхие избы и хижины; забирали животных, произведения искусства и особо ценные природные ареалы – частичку Серенгети, несколько квадратных лиг тайги, клочок австралийского буша и амазонской сельвы. Но главным все-таки были люди, а их на Земле к 2072 году еще оставалось немало – двадцать шесть миллионов человек, разбросанных по всем материкам. Почти все они готовились в путь на новую родину, за исключением ортодоксов-мусульман: арабов из числа непримиримых и сотни тысяч их единоверцев на Волге, Кавказе и в Средней Азии. Были, конечно, и позабытые – крохотные племена, бродившие в африканских джунглях, в сибирской тайге и монгольских степях. Однако всех их предполагалось разыскать со временем и переправить в прекрасные Новые Миры – соединив, по их желанию, с любым другим народом или одарив отдельным персональным миром. Что, разумеется, и было бы исполнено, если бы в 2072 году Земля не окуталась сферой помех.

Медленно вращая верньер настройки, Саймон вслушивался в шелест далеких голосов. На Украине, в зеленом оазисе над бывшим Черноморским побережьем, вещали три радиостанции. Он слышал их плохо, но все-таки смог определить, что все они сосредоточены в районе Харькова – вероятно, новой столицы. В телескоп город казался вдвое меньше, чем прежде, – на снимках, сделанных с русского спутника в 2066 году; его восточная часть временами окутывалась дымным клубящимся маревом, причину которого Саймон не разглядел. Все остальные города, кроме Одессы, вроде бы были на месте – тоже сократившиеся вдвое и втрое, но, по крайней мере, живые. Однако надолго ли?..

Динамик разразился хриплыми резкими воплями:

– ...клятие бляхи... спелись с мослами... орда... саранчуки, свинячьи рыла, татарськи биси... брехати, шо... угроза... сгинь!... не допустимо до Харькива... встань, Украина!.. на мерт, не на живот!..

Такие кличи Саймон слышал не в первый раз и сделал вывод, что неприятность в виде бляхов и мослов грозит Украине с востока. Очевидно, с Волги и из Сибири; там, три с поло-

виной столетия назад, еще оставалось около семисот тысяч жителей. Как и чем они могли угрожать Украине, было загадкой: согласно прогнозам «Перикла», гигантского аналитического компьютера ЦРУ, на нынешней Земле никто не мог соперничать с Украиной – точнее, с ее юго-восточными областями, сохранившими как население, так и промышленный потенциал. По мысли стратегов из Совета Безопасности, этот земной регион должен был стать бесспорным лидером и если не опорой справедливости, то уж, во всяком случае, фундаментом миропорядка. Однако:

– ...товариство козаків... батько-отаман пан Стефан Ментяй розмолвил... тяжко буде, панове-лицари!.. буде лихо... приспало дило... щоб не похилилася наша козацька слава... рано ще вмирати...

Это была вторая станция, но сообщения с третьей, вероятно – правительственной, звучали столь же пессимистично:

– ...хмара над Харківом... харківське гульняйство бунтує... круг Харківка... почорнило од крові... шахтери Донецька... Крим... Пан Самийло Калюжний, старшой голова Ради ЦЕРУ, назвати это... Пан Нечай Чуприна, каштелян Крима, и пан Сапгий, глава безпеки, сказав... Пан Павло Мороз, президент, призиває... Встанем громадой!.. Отстоим радянський край!.. Боже нам допоможи...

Пауза. Затем:

– ...перший козацький regiment... слетати до руїн Одеси з вітром... немає нічого... обратний путь... полег вбитий... другий regiment... до Херсону...

И снова первая радиостанция обрушивала поток брани и угроз:

– ...орда варварів... песьи хари... свинорылы... хайло... послати червоних жупанов... Рада ЦЕРУ... бюллетен... не ждати, ударити всією силою... Хай живе!..

Пролетая над Сибирью, Саймон ничего не мог разглядеть под плотным лесным покровом, но в степях Турана и Монголии намечалось некое движение – в телескоп он видел клубы пыли, а по ночам – отблеск бесчисленных костров. К сожалению, оптика на «Пальмире» была слаба и не позволяла различить детали. Возможно, внизу работали какие-то радиостанции, но слишком маломощные; только один раз Саймон расслышал далекий потусторонний шепот:

– ...Мяскав эте... Хабяляр бу кенне...³

Он смог понять лишь то, что говорят по-татарски и что передача ведется из Москвы – или того поселения, что находилось теперь в районе чудовищных кратеров, оставшихся от прежней Москвы, Тулы, Твери и Рязани. Иногда, тоже на пределе слышимости, он различал арабскую речь, но ничего полезного, достойного записи в коммуникационный браслет, не было; одни молитвы и протяжные призывы муэдзина. С помощью пеленгаторов «Пальмиры» он определил направление – передачи шли с юго-востока, с Зондских островов, с Новой Гвинеи или, возможно, из Австралии.

Но самый поразительный сюрприз преподнесла Америка – конечно, Южная, где сохранились в неприкосновенности бассейн Амазонки, Анды, Бразильское плоскогорье, аргентинские степи, долины Параны и Ориноко. Разумеется, и тут виднелись кратеры на месте Буэнос-Айреса, Рио, Сантьяго, Лимы и других городов, но в целом континент не пострадал и очертания его почти не изменились. Пролетая над этой территорией, примерно от Сант-Крус к Ресифи, Саймон видел стада коров и еще каких-то животных, довольно многочисленные поселения, десяток из коих могли считаться городами, повозки, трейлеры и железную дорогу, что шла вдоль восточного берега и ответвлялась широкой дугой к горам, плоты и паровые корабли, сновавшие вдоль рек и в прибрежной зоне, – словом, все признаки активности, включая дым сражений и смог, висевший над заводами и рудниками. В этом, пожалуй,

---

³ Говорит Москва. Новости этого дня (*там*).

не было бы ничего удивительного – в Бразилии, к концу Исхода, еще оставалось тысяч двести цветного населения, – если бы не радиоголоса. На побережье работало семь или восемь станций, и Саймон превосходно слышал их и столь же превосходно понимал – ибо вещали они не на испанском и португальском, а на чистейшем русском. Язык, конечно, был несколько архаичен, однако для уха Саймона казался музыкой – так же, или почти так, говорили в Смоленске, его родном городе, переброшенном некогда на Тайяхат. В мире России русская речь звучала иначе, и там можно было почувствовать, что за три с половиной столетия язык изменился – не слишком сильно, но вполне заметно. А здесь...

Здесь напевный голос дикторши ласкал Саймона, и, если не вслушиваться в смысл слов, можно было вообразить, что мама, погибшая двадцать три года назад, снова с ним – то ли сказку рассказывает про колобка, то ли выговаривает за какие-то детские провинности. Если только не вслушиваться... К сожалению, он не мог себе этого позволить.

– Сегодня утром трое врагов народа из Харбохи пытались скрыться за рекой, но были растерзаны возмущенными жителями, – вещал чарующий женский голос. – Одновременно силы местной самообороны вместе с шестнадцатым линейным отрядом драгун начали наступление на мятежников. Как утверждает парагвайский дон-протектор, операция санкционирована правительством и Государственной Думой. Дон Грегорио-Григорий, глава департамента Общественного здоровья, заявил: место гаучо – на плахе живодерни, и они туда попадут! Так же считают дон Хайме-Яков, глава Финансового департамента, и дон Эйсебио Пименталь, прибывший в столицу из Разлома. Дон Алекс-Александр, Военный департамент, хранит молчание, однако его дела красноречивее слов: из центральных провинций к Харбохе подтягиваются три отряда драгун и моторизованный корпус карабинеров под командой кондор-генерала Козимо-Кузьмы Луиса. Дон Хорхе-Георгий, департамент Продовольствия, был откровеннее своих коллег, заявив, что крокодилеры не останутся в стороне от событий. Если прочие доны солидарны с ним, то есть надежда, что восстанию пришел конец – несмотря на все происки ЦЕРУ и Байкальского Хурала. Как сообщает наш специальный корреспондент...

И так далее, и в том же духе. Кроме приятного женского голоса, будившего ностальгические воспоминания, самым ценным в этих передачах были имена властительных донов, с которыми Саймон рассчитывал встретиться в весьма недалеком будущем. Директива, полученная им из самых высоких инстанций, гласила, что он обязан выжить и вернуться, а вопрос выживания и возвращения был тесно связан с сильными мира сего. С тем же доном Грегорио-Григорием и доном Алексом-Александром, с доном Хайме-Яковым и доном Хорхе-Георгием, с президентом Павло Морозом, с Самийло Калюжным, председателем Рады, с паном Сапгием, главой безопасности, и даже с баткой-атаманом по имени Стефан Ментай. Как они отнесутся к тому, что на Землю явился посланец со звезд?.. Возрадуются и зарукоплетут?.. Саймон сильно сомневался в этом.

Пальцы его коснулись верньера настройки, и рубку заполнил пронзительный свист. Он то понижался, переходя в басовитое гудение, то повышался до терзающего уши воя; казалось, какая-то чудовищная птица, парящая в пустоте, стонет и жалуется на причиненные ей обиды, а может, просто на одиночество. На неприкаянность... Таких у тайят называли ко тохара, и Саймон был одним из этих несчастливцев, поскольку не имел брата-умма.

Нахмурившись, он вслушивался в мрачные рулады. Этот тоскливый вой в эфире распространяли передатчики помех – вернее, один-единственный передатчик, хотя когда-то их могло быть пять или шесть, а то и целый десяток. У многих, кто остался тут в далеком двадцать первом веке, был резон перекрыть межзвездную связь и изолировать Землю. Были фанатики и недоумки, террористы и анархисты, Красный Джихад и Арийский Клинок, Тигры Бенгала, Пантеры Африки, Русская Дружина и упрямая непримиримая Чечня. И был конфликт меж Украиной и Россией, тянувшийся все сорок восемь лет Исхода...

Но так ли, иначе, теперь передатчик остался один – что, впрочем, жизнь Саймону не облегчало. В первый же день своей миссии, заполнив воздухом «Пальмиру» и утвердившись в командном отсеке, он взял пеленг и убедился, что линии сходятся не на Земле. Луна, Море Дождей, кратер Архимеда... Он вычислил координаты с помощью древнего компьютера, проверил их и записал в свой коммуникационный браслет. Потом погрузился в раздумья, перемежавшиеся сном, едой и изучением Земли сквозь телескоп на обзорной палубе.

Его задача внезапно осложнилась; десантный скафандр, в котором Саймон появился на «Пальмире», мог опустить его вниз в любой из точек траектории спутника, но не поднять наверх. Под «верхом» он подразумевал Луну, куда планетарный заградитель класса «Майти Маус» добрался бы минут за сорок, а боевая ракета или лазерный луч еще быстрее. Но ни ракет, ни мощных лазеров, ни космолетов у него не имелось, а было лишь то, что пролезло в узкую щель, пробитую трансгрессором: скафандр, ранец, ручное оружие и маяк. Если не считать скафандра, маяк являлся самой важной частью амуниции: Саймону полагалось активировать его перед высадкой, и тогда, ровно через десять дней, Колумбийская станция отыщет его поисковым лучом и попытается развернуть обратный канал. Эту процедуру будут повторять три месяца, дважды в сутки, и если сфера помех не исчезнет, на Землю отправится новый агент. Вероятно, Андрей Божко или Анвер Ходжаев по прозвищу Карабаш... Четвертый из их звена, Хромой Конь, индеец с Маниту, погиб. Но в Учебном Центре стараниями Леди Дот готовились новые группы первопроходцев. Временами Саймон удивлялся, зачем они нужны – ведь Закрытых Миров существовало не так уж много, хоть точное их число держали в тайне. Вероятно, ООН в лице своих ведомств – таких, как Карательный Корпус и ЦРУ, – желала всегда и всюду держать ситуацию под контролем.

«Разумное желание, – подумал Саймон, усмехнувшись. – Но ситуации бывают такими неожиданными... Как, например, сейчас: передатчик-то я нашел, да до него не добраться! Другое дело, если б их было пять, и все внизу – пусть среди километровых кратеров или где-нибудь в Харькове, под присмотром батьки Стефана Ментя и его молодцов... Тут появилась бы масса возможностей: столковаться или купить, пригрозить, обмануть, схитрить, прорваться силой или проскользнуть змеей среди змей, как говаривал Чочинга... Теперь же, – размышлял Саймон, – задача изменилась: придется не передатчик искать и не его хозяев, а что-то метательное и увесистое... Вроде снаряда Горьких Камней, который дробит череп и ломает ребра...»

На миг он ощутил себя таким снарядом, повисшим в зыбком равновесии между Землей и Луной. До Земли – триста двадцать километров, до Луны – четыреста тысяч; Земля и все, что творилось на ней, притягивали сильнее. Там были люди, миллионы затерянных душ в незримой, но прочной клетке; и, как повсюду в человеческих мирах, они боролись за лучшее место под солнцем, за власть и богатство, за сладкий кусок или, как минимум, за жизнь. Были среди них правые и виноватые, обиженные и обидчики, жестокие и смиренные, достойные кары или защиты, но всем им полагалось знать, что они – частица человечества, не позабытая среди развалин и не оставленная в наказание, а лишь отрезанная по глупости или преступному умыслу предков. Ричард Саймон мог бы им это сказать, включив передатчик, но был он не из тех ангелов, что разносят благую весть. Те ангелы, белые, придут потом; придут, если их серый коллега раскроет перед ними двери.

Он поднялся, окинул взглядом рубку, где в соседнем кресле была аккуратно разложена его амуниция, затем проследовал коридором на смотровую палубу, к телескопам. «Пальмира» мчалась сейчас над средиземноморской акваторией; шесть сотен лиг отделяли ее от побережья, от Крыма и Кавказских гор, от синих нитей рек и голубой азовской чаши. Самое малое расстояние... Саймон глядел, сравнивал с врезанной в память картой.

Территория над Азовом... несколько крупных поселений... Днепропетровск, Донецк, Запорожье, Харьков... Харьков он теперь узнавал по темному облаку, Донецк и Запорожье –

по развалинам шахт и заводов, по холмам терриконов и дымившим кое-где трубам. Западнее, у водохранилища, находился еще один полуразрушенный промышленный центр со странным названием Кривой Рог – хаос подъездных путей, словно перепаханных огромным плугом, покосившиеся заводские корпуса, свалки, окружавшие жилой район беспорядочными баррикадами. К югу, на побережье, стояли два других города, Николаев и Херсон, и их – а также Севастополь – Саймон разглядывал с особым тщанием.

Корабли. Его интересовали корабли – крейсера и подлодки, снабженные мощным оружием, а также морские базы в кольце ракетных шахт, аэродромы с боевыми стратопланами, лазерные установки и пусковые эстакады... Все это здесь было, и кое-что осталось до самой финишной черты, когда захлопнулись устья Пандуса... Было, но исчезло – то ли похороненное под развалинами, то ли затонувшее, то ли проржавевшее и сгнившее за три с половиной сотни лет. Как и тридцать с лишним огромных трансгрессорных станций, которым полагалось перебросить все это богатство, все города, заводы, фабрики, машины – и, разумеется, людей – в новый прекрасный мир... Вот только в какой – на планету Россия или на Европу, на континент Славения, где нынче стоят Киев и Прага, Варшава и Вильнюс? Спор закончился ничем, и Саймон сейчас наблюдал его отдаленные результаты. Разруха и запустение... жалкий отблеск былого богатства и мощи... «Стратеги Совета Безопасности ошиблись, – мрачно подумал он. – Этот оазис среди европейских пустынь никак не может претендовать на роль гегемона и мирового лидера».

Телескоп был маломощным, но все-таки Саймону удалось разглядеть суда, похожие на древние буксиры, тащившие пару-тройку барж, рыбацьи шаланды и парусники покрупней, двухмачтовые, – вероятно, шхуны. Еще имелись паровые катера, крейсировавшие в Азовском море и вдоль восточных крымских берегов – таких же зеленых и живописных, как в видеофильмах минувшей эпохи. Саймон решил, что катера – пограничная стража, но они были слишком малы и вряд ли располагали чем-то серьезнее пулеметов и малокалиберных пушек.

Он шевельнул трубу телескопа, обозревая берег к западу от Николаева и Херсона. Степь... По местному времени – конец сентября... Пожухлые серые травы, бурые пашни, по которым ползает множество крохотных жучков – не разобрать, машины или упряжки лошадей... В одном районе, меж Днестром и Бугом, вздымалась пыль, расплываясь рваными темными островками, и в эту тучу с востока и северо-запада словно впивались тонкие изломанные стрелки, похожие на неторопливо ползущих змей. Битва, догадался Саймон; конная схватка или целое сражение. Он насчитал семнадцать стрелок, прикинул, что в каждом таком отряде могло быть от пятисот до тысячи бойцов, и скривился. Война... повсюду война... и здесь, в Старом Свете, и в Новом, где неведомых гаучо будут разделявать в живодерне...

Труба телескопа двинулась вниз, к Одессе. Согласно архивным данным, здесь в двадцать первом столетии базировался украинский флот – суперновейший крейсер-тримаран «Полтава», авианосец «Крым» с истребителями-стратопланами, торпедоносцы на воздушной подушке, минные заградители, десантные корабли... Но теперь меж серой степью и синим морем тянулось овальное черное пятно выжженной земли, отливавшее стеклянистым блеском, – в тех местах, где не было кратеров. Этих воронок насчитывалось семь, и казались они непохожими на огромные пропасти с вертикальными стенами, какие оставлял трансгрессор. Эти были помельче, с кольцевым валом по краю, сходящиеся на конус – следы давних взрывов, возможно – ядерных, но не слишком мощных. Кое-где, вплавленные в почву, торчали груды бетонных плит, балок и камней, Саймон припомнил отрывки из передачи: «...перший козацький регимент... слетати до руїн Одеси з витром... немає нічого...»

Немає нічого... А чо искати?

Он нахмурился, соображая, что валы над кратерами вроде бы выше с северо-западной стороны – значит, стреляли с моря. Откуда? С кораблей или с Кавказских гор? И куда подевались стрелки?

«Пальмира» уже торила путь над горами Кухруд, картины перед взором Саймона расплывались и тускнели, скрытые надвигавшейся ночью и полупрозрачным занавесом атмосферы. Где-то здесь он должен спуститься, если решит обследовать причерноморский регион... Спуститься, пересечь Кавказ, минуя пропасти на месте городов, добраться до Кубани, Азовского моря и Крыма... Трехтысячекилометровый путь, без транспорта, без лошади, без пищи, зато с приличным грузом – один маяк тянул на двадцать килограммов... Сомнительное предприятие! Тем более что Украина – вернее, то, что от нее осталось, – являлась, как считал Саймон, не лучшим местом для контакта.

Равным образом его не соблазняли сибирские просторы. Кто бы ни таился там, в бескрайних степях и безбрежных лесах, он будет представлять угрозу – или, во всяком случае, лишнюю сложность. Саймон, потомок русских и англосаксов, не мог надеть личину азиата; белокожий, рослый, светловолосый, он был бы замечен, как гвоздь, торчащий в доске. Существовала еще языковая проблема: русский и английский были ему родными, испанский, португальский, украинский и арабский он знал в совершенстве, мог объясниться на французском, немецком и итальянском, однако татарский – тем более бурятский или монгольский – не изучал. В его резерве еще оставался тайянский, но вряд ли язык четырехруких аборигенов Тайяхата мог пригодиться в Сибири или байкальских степях. К тому же, в свете нынешней ситуации, гигантские территории за Уралом являлись абсолютно бесперспективными. Все ракетные базы России, все, что находилось на юге и севере, на западе и востоке, в Монголии и Казахстане, в Приморье и на Курильских островах – словом, все смертоносные игрушки были разобраны и уничтожены, а ценное оборудование перебазировано в Новый Мир, на планету, которую Россия делила с теми же Монголией и Казахстаном, с Индией, Балтией, Эфиопией и десятком других государств. Ergo⁴, то, что осталось здесь, не представляло для Саймона никакого интереса.

«Пальмира» пересекла линию терминатора, и сейчас он мчался над мрачным пространством – быть может, над кратерами Ташкента и Бишкека, медленно поглощаемых песками, или над чудовищным Новосибирским разломом, затопленным обскими водами. «Пальмира» свершала один оборот за восемь часов, и, значит, часа через три Саймон увидит зарю над океаном, меж Новой Зеландией и Антарктидой; еще полчаса, и он пронесется над Андами, где-то в районе озера Вьедма...

«Ведмино озеро», – подумал он на русском, невольно улыбнулся и, покинув смотровую палубу, зашагал в командный отсек, соображая, где бы лучше произвести десантирование. Если не в Закавказье, не в Средней Азии и не в Сибири, то лишь в Америке – ибо Сахара, как и Нубийская пустыня, безлюдна и совершенно непривлекательна. Однако Южноамериканский материк, откуда шли передачи на русском, был территорией немалой, и тут существовали варианты – от мыса Горн до плоскогорий Каатинги. Десантный скафандр обеспечивал мягкое приземление с любой высоты до трехсот километров, но, разумеется, не заменял ни вертолета, ни боевой капсулы. Погасить скорость, доставить хрупкий груз боеспособным и живым – вот что являлось главной его задачей; он не предназначался для горизонтальных перемещений и, лишенный топлива, был абсолютно бесполезен.

Саймон не стал включать компьютер – задачка элементарная, и вычислительный модуль в его браслете справился с ней за пару секунд. Он спустится вниз по нисходящей параболе; покинув станцию на пятидесятом градусе широты, окажется где-то в бывшем Уругвае, чуть северней Ла-Платы – она разливалась широко, поглотив два кратера на месте

⁴ Ergo – итак, следовательно (лат.).

Монтевидео и Буэнос-Айреса. Если отправиться в путь с сороковой параллели, он попадет к заливу – большой серповидной бухте, лежавшей там, где возносились когда-то небоскребы Рио и Сан-Паулу. На берегу есть город, новый город, довольно большой... и район вокруг весьма оживленный... Саймон раздумывал. Пожалуй, лучше уругвайский вариант: тихое место, пустынная степь с холмами и рощами да сотня поселений, деревушки и городки, а меж ними – по тридцать-сорок километров. Не совсем безлюдье, но и под локоть не толкнут... прекрасные возможности для адаптации...

Он занес свои соображения в браслет. Широкое кольцо из десяти сегментов являлось многофункциональным приспособлением, где содержался не только компьютерный модуль, но и другие полезные вещи – гипнозер, погружавший в беспробудный сон, миниатюрный голопроектор и дешифратор. Сделав запись, он стал облачаться: надел скафандр и прозрачный шлем с кольцом воздушного регенератора, проверил поглотители тепла, тормозные движки, ранец и пояс с оружием. В ранце хранились запасные обоймы, контейнер с гранатами, тубы с пищей, фляга и Шнур Доблести – в прочном кожаном мешочке, расшитом тайятским жемчугом. На самом дне лежал тяжелый пупырчатый сфероид из синеватого металла – драгоценный маяк, который Саймону полагалось спрятать в надежном месте, а коль такого не окажется, таскать с собой. Он положил ладонь на холодную поверхность сферы, нащупал пальцами пять почти незаметных углублений, нажал... В ответ подушечки пальцев кольнуло; теперь маяк был активирован, и оставалось самое простое: выжить и вернуться. Такой инструкцией начальство снабдило Саймона, причем Уокер напирал на «выжить», а Леди Дот – на то, чтобы вернуться. Она считалась дамой безжалостной и крутой, как и положено шефу Учебного Центра, и Саймон полагал, что труп агента в приемной камере был бы для нее вполне удовлетворительным результатом.

Он забросил ранец на спину, прислушался к тихим щелчкам магнитных креплений и вышел в коридор, к служебному шлюзу. Двигался Саймон, широко расставляя ноги и подпрыгивая; идти нормально мешали слабое тяготение и цилиндры тормозных движков, закрепленные у голеней. Шлюзовой отсек, тесный, темный и невысокий, был заранее наполнен воздухом. Саймон протиснулся в черную дыру люка, задраил его, бормоча сквозь зубы проклятия на тайятском, нашарил запор выходной диафрагмы, ткнул пальцем в нужную кнопку и повернул рычаг. Тьма стояла кромешная; казалось, ничего не происходит, но вдруг он заметил, как темнота будто бы сделалась глубже и на фоне ее засияли звезды – четыре звезды, две синие, алая и голубая. Саймон решил, что это доброе предзнаменование. У народа тайят число четыре считалось счастливым, и, желая удачи, они говорили: да пребудут с тобой Четыре алых камня, Четыре яркие звезды и Четыре прохладных потока. Звезды уже имелись в наличии, потоки Саймон мог отыскать на Земле, а вот с камнями получалась неувязка. Найдется ли хоть один? Такой, который можно метнуть, надеясь, что он озарит лунный кратер алой вспышкой взрыва?

Сильно оттолкнувшись, Саймон ринулся в черную пустоту, одновременно включив блок пространственной ориентации. Его потрянуло – раз, другой; двигатели плюнули огнем, гася орбитальную скорость. Теперь «Пальмира» удалялась, будто летела к самому Солнцу, сиявшему в черной бездне у него за спиной, а прямо под ним круглился огромный белесоватый шар, таинственный и незнакомый, и все-таки чем-то похожий на Тайяхат и Колумбию и на другие миры, доступные людям. Этот был пока что закрыт, но посланец небес уже явился – серый ангел с ключом, подходящим к любой двери.

«Теперь бы только до нее добраться...» – мелькнула мысль.

Падая на Землю, будто снаряд из пращи Горьких Камней, паря в стратосфере и пронизывая облака, он размышлял о своем задании. Как уже говорилось, задание было простым – выжить и вернуться, но эти два слова подразумевали очень многое не сказанное и не написанное в полученной директиве, однако понятное и как бы разумевшееся само

собой. «Выжить» означало, что ему предстоит разобраться в ситуации, выяснить, в чьих руках власть и как эту власть используют; вероятно, приобщиться к ней, поскольку лишь с вершин власти, явной или тайной, можно управлять событиями, направляя их к пользе порученного дела. «Вернуться» являлось столь же емким понятием; чтобы вернуться, он должен был уничтожить передатчик помех, открыть доступ на Землю для Транспортной Службы и не расставаться с маяком. Лишь тогда устье Пандуса раскроется перед ним – покатым склоном, подсвеченный багровым, тоннель мгновенного перемещения в пространстве... Он сделает шаг – здесь, на Земле, а второй – уже по каменным плитам Колумбийской станции, запрятанной под холмами в окрестностях Грин Ривер... Он возвратится! В привычный мир, в знакомый век, двадцать четвертый от рождества Христова, в свою эпоху, когда человечество расселилось среди звезд...

Выжить и вернуться!.. Так приказали те, кто его послал, но у Ричарда Саймона была и своя задача, которую он формулировал столь же лаконично: карать и защищать! В определенном смысле она вытекала из Поучений Чочинги, ибо они гласили, что тайятский воин бьется за славу и честь, а высшей честью для человека-воина было спасти безвинных и покарать обидчиков. Инстинкт подсказывал Саймону, что на Земле он найдет и тех, и других.

Его скафандр нагрелся, внешняя оболочка засветилась вишневым, потом – закатным багрянцем и, наконец, полыхнула красными отблесками зари. Но он не почувствовал жара; одетый в непроницаемый кокон, объятый огнем, он мчался вниз, к Земле, как выпущенный из пращи снаряд.

Искать, карать и защищать!

КОММЕНТАРИЙ МЕЖДУ СТРОК

Эдну Хелли, шефа Учебного Центра, называли Леди Дот⁵. Конечно, за глаза; никто не знал, было ли это прозвище официальным, зарегистрированным в кадровых файлах ЦРУ, или творчеством курсантов и коллег – и, в силу последнего обстоятельства, являлось оскорбительной фамильярностью. Фамильярничать же с Эдной Хелли – опасное занятие. Точки, расставленные ею, папахивали свинцом. В тридцать пять она считалась лучшим агентом-ликвидатором ЦРУ, да и в нынешние пятьдесят былой сноровки не растеряла. Дейв Уокер ее уважал. Работать с ней было почетно и небезвыгодно, и эта работа сулила определенные перспективы – к примеру, он мог перескочить из инструкторов УЦ в руководящий персонал. Стать главой отдела или шеф-резидентом на одной из престижных планет, на Монако или на Мирафлорес... А лучше всего на Южных Морях, в чарующем полинезийском мире, где девушки прелестны и смуглы, мужчины – щедры и дружелюбны и где не происходит ровным счетом ничего криминального.

«Долго бы я там не продержался», – решил Уокер, ухмыляясь. Ухмылка его была кривоватой, поскольку давний шрам на подбородке оттягивал нижнюю губу. Зато зубы выглядели великолепно – белые и ровные, как у лихого ковбоя с рекламы «Вас ждет Техас». Эти зубы стоили Уокеру месячного жалования.

– Вас что-то развеселило, инструктор? – Глаза Эдны Хелли вдруг превратились в два серых стальных буравчика, и Дейв Уокер поспешил придать лицу выражение суровой сдержанности. Впрочем, с определенным оттенком торжества: операция разворачивалась по плану, и он принес хорошие вести.

– Никак нет, мэм. Прошу прощения, мэм. Я только подумал...

⁵ Dot – точка (англ.).

– В этом кабинете думаю я, – промолвила Леди Дот. – Вы – докладываете. Быстро, сжато и без дурацких ухмылок.

– Слушаюсь, мэм. Докладываю: он активировал маяк. – Инструктор покосился на часы и уточнил: – Сорок две минуты двадцать секунд тому назад.

– На пятый день... – Эдна Хелли с неодобрением поджала сухие губы. – Раньше он действовал быстрее.

– Обстановка, должно быть, сложная. Все-таки Старая Земля, мэм... – заметил Уокер и, выдержав паузу, добавил: – Нам повезло, что сохранился этот спутник. Я имею в виду «Пальмиру», мэм... И вдвое больше повезло, что парни из Транспортной Службы смогли до нее дотянуться. Орбитальный спутник – прекрасная возможность для рекогносцировки. Вероятно, этим он и занимался.

– На протяжении четырех суток? Полагаю, хватило бы восьми часов, чтобы засечь передатчики. Кажется, таков период обращения «Пальмиры»?

Дождавшись кивка Уокера, Леди Дот повернулась к окну, задумчиво хмуря брови. За широким окном ее кабинета небесная синь сливалась с изумрудной океанской поверхностью; в небе мельтешили чайки, а под ними птичьей стаей, подняв вверх белоснежные крылья, скользили легкие парусные суденышки. Грин Ривер, вблизи которого находилась штаб-квартира Центрального Разведуправления, был уютным университетским городком и славился прекрасной погодой – купались здесь триста дней в году. Впрочем, на Колумбии всюду отменный климат. В Египте, Израиле, ЮАР и Мексике чуть жарковато, в Канаде – холодно-вато, но остальные страны, включая некогда туманный Альбион, наслаждались ровным теплом и ярким солнцем. Здесь, не в пример Старой Земле, не было разрушительных ураганов, цунами, землетрясений и прочих катаклизмов, как социальных, так и природных. Колумбия, наряду с Россией, Европой, Китаем и Южмерикой, являлась гарантом стабильности Разъединенных Миров и надежной опорой ООН.

Эдна Хелли отвела взгляд от чарующей океанской панорамы. Задумчивость исчезла из ее глаз; теперь они смотрели пронзительно и остро, напоминая дульный срез «амиго», ее излюбленного оружия.

– Четверо суток... – медленно протянула она. – Четверо суток наш лучший агент провел на спутнике и лишь затем решился десантироваться... Нет, Уокер, я полагаю, он занимался не только рекогносцировкой, чем-то еще... И, вероятно, появились осложнения, что-то не учтенное первоначальным планом... Может, пошлем ему в помощь всю группу? Ходжаева и Божко? Как вы думаете, Дейв?

Уокер вытянулся в струнку перед огромным столом; зрачки его сделались оловянными.

– Думать – ваша prerогатива, мэм! Я только докладываю.

– В этом кабинете, – подчеркнула Леди Дот, скривив тонкие губы в улыбке. – Но мы можем спуститься в Первую Совещательную, чтобы не было повода для ваших техасских шуточек.

– Повод для техасских шуточек всегда найдется, – пробормотал Уокер. – Я думаю, мэм, если вы позволите мне думать, что помощь ему не помешает. Но не Ходжаев и не Божко. Саймон – сугубый индивидуалист, из тех людей, которым не нужны советы и соратники. Ему удобнее работать в одиночку или с очень преданным партнером, который ест, спит, подчиняется и молчит.

Пару минут Эдна Хелли переваривала это замечание, потом ее брови медленно поползли вверх.

– Есть подобная кандидатура, Дейв? Что-то уникальное?

– Да, мэм, сплошная уникальность. Пять метров длины, изумрудная чешуя, абсолютная преданность и во-от такая пасть!

Дейв Уокер разинул рот пошире и расхохотался.

ГЛАВА 2

Приземлился Саймон благополучно – в безлюдной холмистой саванне, пересеченной оврагами и мелкими ручьями. На склонах холмов зеленели редкие деревья – какая-то разновидность акации с гроздьями белых цветов и пабуки, точно такие же, как в колумбийских умеренных широтах. Овраги заросли по краю колючими кактусами, а ниже – непроходимым кустарником; его узловатые ветви скрещивались и переплетались, словно каждый куст стремился сжать соседей в отчаянных объятиях. Прикинув, что с укрытием проблем не будет, Саймон стащил скафандр и сунул его в шлем вместе с цилиндрами движков, переключив их на самоликвидацию. Раздался негромкий хлопок, блеснуло пламя, и теплый ветер взметнул серую пыль.

Развевал ее над землей – над Старой Землей! Закружил, повлек к востоку и западу, северу и югу, бросил на скалы, схоронил в лесах, просыпал над морем, оставил темный след в саванне, донес до селений и городов...

Саймон замер на несколько долгих мгновений, пытаясь осознать, что он – на Земле. На Земле, которая была колыбелью его далеких предков, их единственным домом на протяжении тысяч лет; скудным домом, неудобным и небогатым, если вспомнить о сокровищах звезд, скорей лачугой, чем дворцом. Но в этой лачуге обитали его пращуров – те, что жили под Смоленском, на берегах земного Днепра, и те, что, переплыв океан, добрались до большого соленого озера в горах Юты и осели там, назвав себя мормонами. И хоть обе эти точки земного глобуса были далеки от Уругвая и даже, в определенном смысле, не существовали на нынешней Земле, Ричард Саймон ощутил, как душу его охватывает трепет. Он, сын Елены Стаховой и Филипа Саймона, имел двойные корни в этом мире, в Старом и Новом Свете; он, потомок двух величайших народов Земли, был связан с нею двойной цепью. И внезапно он осознал, что эта цепь такая же прочная, как соединявшая его с Тайяхатом, где жили и умерли пятнадцать поколений его предков.

Вздохнув, он взвалил на плечи ранец и огляделся. Солнце стояло почти в зените – полдень миновал, и время двигалось к двум часам. Было жарко; пахло цветущей акацией, свежей травой и листьями, Саймон вспомнил, что сентябрь в этих краях – первый месяц весны. С юга задувал ветерок и нес другие запахи, соленые, терпкие, морские – до залива, поглотившего прежнюю Ла-Плату, насчитывалось не больше десяти-двенадцати лиг. Кажется, там был город. Небольшой городишко тысяч на пять жителей... и еще один – на севере, километрах в семидесяти от побережья... Их соединяла дорога, которую он разглядел с высоты – почти безлюдный тракт, узкий и пыльный, петлявший среди холмов, с двумя или тремя мостами, переброшенными через самые крупные речки. Прикинув, что дорога проходит где-то совсем рядом, на западе, Саймон втянул ноздрями жаркий влажный воздух и направился к ближайшему холму.

Деревья тут росли не густо, и временами среди них попадались высокие конические сооружения, в которых он признал термитники. Одни были заброшены и мертвы, вокруг других роились насекомые, мириады крохотных существ, покрывавших землю живым ковром. Саймон старался держаться от них подальше, но, обнаружив пустой конус с рваными проломами в боку, приблизился и заглянул внутрь. Дно термитника усеивали человеческие кости – посеревшие, высохшие, старые; в их груди скалил зубы череп и торчали перекрученные проволочные мотки. Проволока была толщиной в палец, свитая из нескольких жил и тоже серая – вероятно, из алюминия. Нахмурившись, Саймон покачал головой, обошел термитник и полез по склону холма.

Он еще не достиг вершины, петляя между пабуками и тонкими стволами акаций, когда услышал чьи-то вопли. Кричали неразборчиво, в несколько голосов; в одних слышался ужас

и смертная мука, другие звенели яростью и торжеством. Раздался выстрел, за ним – протяжный стон раненого животного, лошади или мула; еще два выстрела, звон клинков и жуткий хрип, какой издает человек с перерезанным горлом.

Когда Саймон, перешедший на быстрый бесшумный бег, добрался до гребня холма, все было кончено. Холм круто обрывался вниз; у его подножия, огибая овраг, извивалась дорога, и там, в пыли, лежал ничком человек в темном длинном балахоне, а рядом топтался, натягивая повод, серый мул. Другой путник, в подобном же одеянии, скорчился дальше, шагах в пятидесяти, у самого оврага; его мула пристрелили, но всадник, видимо, успел соскочить и выхватить длинный нож. Он так и упал с этим ножом, пробитый пулями, – колени поджаты, рука вытянута вперед, словно и в смерти ему хотелось поразить убийцу.

Убийц было трое. Один, коренастый, в пестром плаще, заправленном под ремень, стоял у обочины, придерживая лошадей, другой склонился над мертвым мулом, шаря в седельных сумках, третий носком сапога перевернул труп в балахоне и что-то сдернул с шеи – как показалось Саймону, большой серебряный крест. Человек сунул его за пазуху, повернулся к державшему лошадей и отпустил какую-то шутку. Они расхохотались; потом тот, что взял крест, рявкнул:

– Эй, Утюг! Чего копаешься, сучара?

Чистейший русский, отметил Саймон, доставая нож и скользя от ствола к стволу, от куста к кусту. Человек, которого назвали Утюгом, выпрямился, прижимая к груди объемистые кожаные сумки, раскрыл рот, но ничего не успел сказать – нож, сверкнув в воздухе, вонзился ему в горло. Затем резкие хриплые звуки донеслись из зарослей – тайятский боевой клич, каким воин, убивший врага, отмечает победу.

Коренастый, державший коней, отпрянул:

– Гаучо, Хрящ! Делаем ноги!

Грабивший труп не промедлил ни мгновенья: рванул повод из мертвой руки, ринулся на обочину, таща за собою мула, взлетел на лошадь и ударил ее каблуками. В его повадке ощущалось что-то волчье, немалый опыт битого койота, который знает, когда кусать, когда рычать, когда бежать. «Похоже, на гаучо здесь не рычат», – думал Саймон, выбираясь на дорогу и поглядывая на всадников и конские крупы, мелькавшие среди высоких трав.

Он наклонился над мертвецом, лежавшим теперь на спине. Мужчина лет сорока, смуглокожий, с полными губами, черный волос в мелких колечках... Мулат? Скорее всего мулат, и наверняка – священник: темный балахон оказался рясой, из-под которой торчали стоптанные сапоги. Саймон похлопал по одеянию, проверил за пазухой и в голенищах: в одном был спрятан короткий нож, в другом – бамбуковый пенальчик с вложенным внутрь свитком. Он вытряхнул его и развернул, машинально отметив, что писано чернилами, на плотной сероватой бумаге, на русском языке.

МАНДАТ СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА

– гласила надпись сверху, а под ней сообщалось, что отец Леон-Леонид Домингес и брат Рикардо-Поликарп Горшков направляются из Рио-де-Новембе в приход Дурас, что в Юго-Восточной Пустоши Уругвайского Протектората, дабы служить в его церквах и храмах во славу Бога Отца, Бога Сына и Святого Духа, исповедовать и отпевать, крестить и венчать, накладывать епитимьи и свершать всякое иное священнодействие в соответствии с Господней Волей, просьбами прихожан и саном означенных выше Леона-Леонида Домингеса и Рикардо-Поликарпа Горшкова – и да помогут им Заступники наши Иисус Христос и Дева Мария, а также власти предержащие. Подпись, печать и приметы обоих. Против Домингеса стояло: имеет жену и двух отпрысков, лет – 43, кожей смугл, волосом черен, невысок, телом обилен, слева под мышкой – большое родимое пятно; Горшков же, как гласил мандат, был

тридцатилетним, холостым, высоким, светловолосым и светлокожим, без особых отметин. Решив, что это описание ему подходит, Саймон направился ко второй жертве.

Рикардо-Поликарп и в самом деле был высок, но худощав и тощ – дыплячья грудь и плечи, как у пятнадцатилетнего подростка. Однако, несмотря на субтильную конституцию, был он храбрецом, так как пробовал защититься – его длинный нож при ближайшем рассмотрении оказался отлично заточенным мачете. Его убили ударом в горло; ряса на груди пропиталась кровью, и еще одна рана, огнестрельная, была в правом боку.

Саймон перекрестил мертвеца, пробормотал зауспокойную молитву – из тех, какие слышал в детстве в одной из смоленских церквей; потом спустился в овраг, отрыл с помощью мачете могилу и схоронил в ней Рикардо-Поликарпа. На шее погибшего висели два креста: большой, вырезанный из твердого темного дерева, Саймон воткнул в рыхлую землю, маленький нательный, оставил себе. Пробормотал: «Прощай, тезка...» – и вылез обратно на дорогу.

Они и в самом деле являлись тезками – если не по второму имени Горшкова, так по первому. И цветом волос и глаз были схожи; правда, у мертвеца зрачки казались уже не синими, а мутно-голубыми.

Таковыми же были глаза у мертвого бандита. Физиономия его в самом деле выглядела так, будто по ней прошли утюгом, но расплюснутый нос и отсутствие бровей не скрывали расовой принадлежности: белый, без всяких признаков цветной крови и, несомненно, славянин. Огнестрельного оружия у него не оказалось – только мачете, подлинней и пошире, чем у погибшего брата Рикардо.

Обыскав Утюга, Саймон взялся за седельные сумки. В них хранились книги – Библия, Евангелие и требник; еще там были две смены белья, просторная ряса, рубаха, штаны и парадное церковное облачение, завернутое в чистый холст. В одной, на самом дне, лежал тяжелый кожаный мешочек, и, раскрыв его, Саймон обнаружил монеты. Сорок блестящих серебряных монет неплохой чеканки; на аверсе стояли крупная цифра «1», слово «песо» и год – 2393; на реверсе был изображен двуглавый орел, а вокруг орла шла надпись: «ФРБ – Федеративная Республика Бразилия».

Пожалуй, эти монеты изумили Саймона больше всего. Не потому, что был на них отчеканен древний российский герб, и даже не потому, что двуглавая хищная птица соседствовала со словами «песо» и «Бразилия» – это еще он мог осмыслить и понять. Но монета сама по себе являлась удивительным артефактом, столь же древним, как рыцарские доспехи или бритва, которой некогда скребли щетину на щеках и подбородке. Нигде, ни на одной планете Разъединенных Миров, не выпускалось металлических монет – только банкноты, а большей частью кредитные диски и кодовые ключи, дававшие доступ к лицевым счетам. Так что Саймон впервые за свои двадцать восемь лет держал в руках монету; и, несмотря на блеск и четкость надписей, она казалась ему такой же архаичной, как виденные в музеях американские даймы, британские фунты и русские рубли.

Выпятив нижнюю губу, он подергал ее пальцами – детская привычка, оставшаяся со смоленских времен; потом бросил монетку в мешок, припоминая, что это кожаное вместилище вроде бы называют кошельком. Он был доволен, так как, едва успев приземлиться, обрел права гражданства в ФРБ. У него имелись мандат, фамилия, имя и даже назначение – служить во славу Бога Отца, Сына и Святого Духа; он успел обзавестись деньгами, одеждой и кое-какой биографией – за счет почивших в бозе брата Рикардо и Утюга. Священник был достойным человеком, и смерть его не радовала Саймона, но, как говаривал Чочинга, отрезанный палец на место не пришьешь. Брат Рикардо-Поликарп Горшков ушел в Погребальные Пещеры, и Ричард Саймон мог занять свободную вакансию.

Он стащил свой серый комбинезон и нательное белье и облачился в одежду брата Рикардо, сунув в карман кошелек. Рубаха была маловата, но штаны пришлись впору, да и

просторная ряса тоже; кобура с «рейнджером» и нож были под ней совсем незаметны. Обувь Саймон менять не стал, только присыпал свои башмаки пылью – если не приглядываться, они не слишком отличались от сапог. Потом он занялся сумками: сложил в них все имущество из ранца, бросил поверх белье, комбинезон и книги, а ранец зашвырнул в овраг; поразмыслив, снял с запястья браслет, с пояса – кобуру и тоже сунул их в сумку.

Едва он успел покончить со всеми этими делами, как на дороге возникло пыльное облачко. Оно приближалось с севера, со стороны ближайшего городка, и вскоре Саймон разглядел небольшой фургон, который тащила пара мулов, и возницу, хлеставшего их кнутом. Подняв мачете покойного Рикардо, он ткнул Утюга в шею, затем бросил оружие, шагнул к трупу отца Домингеса, опустился на колени, сложил руки у груди, понурил голову и принял удрученный вид. Таким его и застал возница – рыжий плечистый парень с россыпью веснушек на щеках и здоровенным синяком под глазом. Чем-то он напомнил Саймону Дейва Уокера – то ли огненной мастью и веснушками, то ли своей лукавой рожей.

Не обращая внимания на парня, он продолжал творить свою безмолвную молитву. Пекло жаркое солнце, мулы шумно отфыркивались и поводили боками, возница, преклонив колени напротив Саймона, вздыхал и часто крестился. Наконец, выждав приличное время, он произнес:

– Стреляли...

– Это верно, – откликнулся Саймон, перекрестил отца Домингеса и встал.

– Вот несчастье-то... беда... – протянул парень. – Гниды огибаловские, тапирии отморозки... Ведь платим же, платим, по сотне песюков со двора... И отморозкам платим, и Хайму-кровососу, и Гришке-живодеру, и Хорху с его крокодавами, а толку – ни хрена! Вот батюшку пришили... А ведь обещались двоих прислать... – Рыжий перевел взгляд на Саймона. – Как же теперича, отец мой, мы тебя с кибуцниками разделим? Стенка на стенку пойдем, как из-за пастбищ? Или церкву у них спалим?

Саймон молчал, осмысливая новую информацию. Кое-какие имена были ему знакомы – к примеру, Хайма-кровосос являлся, вероятно, доном Хайме-Яковом, главой Финансового департамента, а Гришка-живодер – не иначе как доном Грегорио-Григорием, заведовавшим Общественным здоровьем. Но огибаловские гниды, крокодавы и кибуцники не вызывали знакомых ассоциаций. Ясно было лишь одно: ко всем этим личностям рыжий возница любви и почтения не питал.

Наставив на него палец, Саймон поинтересовался:

– Ты кто таков? И откуда?

– Павел-Пабло, а по-простому, по-нашему, – Пашка Проказа, отец мой. Ты не сомневайся, ничем таким я не болен, а Проказа – оттого, что проказлив... – Зеленые глазки лукаво сощурились. – Проказлив бываю во хмелю... Я, батюшка, сам-то семибратовский. Давеча гонец к нам прискочил, из Дуры – мол, ждите двух попов, для вас и для кибуцников, и будут те попы в городке на двадцать шестой сентябрьский день... А может, на двадцать седьмой, но будут наверняка. Мол, приласкай лешак дубиной, ежели не так! Вот наш паханито, староста дядька Иван, меня и послал навстречь... чтоб, значитца, лучшего попа к себе от кибуцников перенять. Я в Дуру приехал, встал у корчмы и жду. День жду, другой, а на третий огибаловские прискакали, выпросили, чего жду, и подвесили мне фонарь, – тут Проказа огладил синяк под глазом, – чтоб попов вернее высмотреть, ежели ночью пожалуют. Ну, я без обид, сам понимаешь, отец мой, их – четверо, я – один, у меня – старый винтарь, у них – карабины... В общем, утерся, плюнул и поехал. Думаю, встречу святых отцов по дороге... Вот и встретил!

– Отцом меня не зови, – сказал Саймон, размышляя над нехитрой Пашкиной историей. – Отец Домингес – вот он, мертвый лежит. А я – брат Рикардо... Рикардо-Поликарп Горшков из Рио-де-Новембе.

– Из столицы, значитца... ученый человек... – Проказа покивал с уважением. – Как же ты, святой брат, от огибаловских отбился? Они ж изверги лютые! Родную мать не пощадят!

У Саймона было уже заготовлено объяснение.

– Остановились мы, и я в кусты пошел... по нужде, понимаешь? Тут они втроем и налетели; двое – к отцу Домингесу, а третий – ко мне. Мула прикончил, а я его положил. Но к батюшке на помощь не успел. Убили его... И дали деру, когда я вылез из кустов. Вроде как перепугались...

– Ну! – восхитился Проказа, оглядывая могучую фигуру Саймона. – Ну, даешь, святой брат! Видать, до рясы в бандерах ходил? В бойцах? А может, в стрелках либо отстрельщиках?

– Ходил, – согласился Саймон, решив, что причастность к отстрельщикам авторитета ему не убавит. Кажется, в этом странном краю, в уругвайской саванне, где жили мулаты и русские – а может, и кто-то еще, – бойцы и стрелки ценились не меньше попов. Пока он размышлял над этим обстоятельством, Пашка направился к оврагу, к мертвому мулу и бандиту. Присмотревшись, рыжий хлопнул себя руками по бокам.

– А я ведь этого знаю! Знаю, чтоб мне в Разлом попасть! Огибаловский, точно! Из бригады Хряща! К нам за данью ездил, блин тапирий! И в корчме скалился, когда мне фонарь подвесили! Ловко ты, брат Рикардо, башку ему отчекрыжил...

– Бог помог, – пробормотал Саймон, взял на руки тело отца Домингеса, положил в повозку, на сено, а рядом пристроил свои сумки.

Пашка к тому времени вернулся с седлом и упряжью мула и с двумя окровавленными мачете, обтер клинки сухой травой и тоже бросил в фургон, ворча, что не стоит добру пропадать – ножики, мол, неплохие, да и седло потянет на пару песюков. Затем он вежливо подержал Саймона под локоть, когда тот забирался на сиденье, сел сам, развернул упряжку, и они покатали на север, по дороге в городок со странным названием Дура.

Рыжий был человеком разговорчивым, тянуть его клещами за язык не приходилось, и Саймон, покачиваясь на жестком сиденье, припомнил слова Наставника: сев на скакуна удачи, не шпорь его, зато гляди, как бы не свалиться. Дела и впрямь разворачивались удачно: похоже, Четыре звезды, затмившись в ярком солнечном свете, не позабыли о нем и продолжали слать свои дары. К примеру, этого рыжего парня, болтливового, как попугай...

Вскоре Саймон обогатился массой сведений. Теперь он знал, что городок на побережье, из коего ведет дорога в Дуру, именуется Сан-Филипом; что весь этот край, от Ла-Платы на юге и до Негритянской реки на севере, зовется Юго-Восточной Пустошью, ибо тут и правда пустоовато: бандиты, коровы, тапиры, заменяющие свиней, да полсотни деревень на четырех тысячах квадратных лиг – может, и на пяти, поскольку никто эти земли не считал, не мерил; что Пустошь является частью Уругвайского Протектората, и что столица его, Харбоха, лежит на северо-западе, у реки Параши (так Проказа называл Парану), и там есть «железка» – иными словами, рельсовый путь, которым возят шерсть, серебро, руду и мясо: мясо, тапирье и говяжье, из Пустоши, серебро – из аргентинских краев, что простираются за Ла-Платой и городком Буэнос-Одес-де-Трокадера, а шерсть и руду, само собой, с предгорий. Еще он узнал, что люди в Пустоши скромные и незлобивые, гуртовщики да скотоводы-ранчеро, платят исправно «белое» властям и «черное» – дону Хорхе, пьют умеренно, не буянят – разве только по праздникам; и что текла бы их жизнь тихо-мирно, если б не кибуцники и отморозки. Кибуцники, как выяснил Саймон, были пришельцами из городов, то ли сосланными в Пустошь, то ли переселившимися добровольно; им отводили участки на орошаемых землях и поговаривали, что вскоре воду станут делить – а летом с водой в этих краях всегда проблемы. Что же касается отморозков, то они определенно были изгнанниками – но не из тех, какие готовы выращивать скот или копать в навозе. Местные с ними как-то справлялись, но года четыре назад явился из Рио дон Огбалов, бывший «плащ» либо «штык», и

взял отморозков под крепкую руку. Теперь все ранчиро платили дань – не только «белый» и «черный» налоги (в чем их разница, Саймон понять не сумел), но также «особый огибаловский». Что, впрочем, от грабежей и насилий не спасало, только звались они не грабежами, а экспроприациями. Видно, дон Огибалов был человеком образованным.

На вопрос, куда же смотрят власти, рыжий заметил, что смотрят они за Парашку-реку, где гуляют в пампасах вольные гаучо. А как не смотреть? За Харбохой «железка» идет к горам и к Санта-Севаста-ду-Форталезе, что в Чили, за горами; река там широкая, не пере-плунешь, а мост один – древний мост, но крепкий, четыреста лет стоит, теперь такие строить не умеют. Захватят гаучо мост, не будет в Рио, Херсусе и Дона-Пуэрто ни шерсти, ни руды. Шерсть, она ведь тоже с гор, от лам, а с Пустоши шерсть не возьмешь, ламы тутдохнут – от жары, поноса и общей слабости. Так что властям на Пустошь плевать, у ней заботы поважнее: мост, Харбоха и гаучо. Особенно гаучо. За голову полсотни монет дают, на трех лошаков хватит!

Саймон хотел полюбопытствовать насчет врагов народа из Харбохи, растерзанных возмущенными жителями, а заодно и о том, гуляют ли гаучо лишь за Параной или и в Пустошь заглядывают, но колеса фургона уже грохотали по деревянному мосту, за коим возвышались первые городские строения. Над мостом была арка с надписью: «Добро пожаловать в Дурас», и под ней Проказа натянул поводья и остановил фургон.

– Ты, брат Рикардо, ряску не снимешь? Одежка-то заметная... Вдруг огибаловские в корчме сидят? А нам мимо ехать...

Саймон молча стянул рясу, оставшись в распахнутой на груди рубашке. У шеи она не сходилась, так как шея у него была мощной, под стать плечам, и рубашка покойного священника уже трещала под мышками.

Рыжий, наклонившись, шарил под сиденьем и чертыхался вполголоса. Наконец он извлек огромное ружье и патронташ, пересчитал патроны и с лязгом передернул затвор. Блик света попал в глаза Саймону, он сощурился, покосился на оружие и вдруг почувствовал, как у него холодеет под сердцем. Это была реликвия, музейный экспонат, но вполне ухоженный, надраенный до блеска и готовый к бою. Массивный вороненый ствол, рукоять затвора с шариком на конце, приклад, отполированный прикосновением ладоней... Трехлинейка... Винтовка Мосина, двадцатый век... Точнее, самое его начало...

– Откуда? – произнес Саймон, с невольным трепетом погладив нагретый солнцем ствол.

– Хороший винтарь... Такого в городе не встретишь, разве что в наших краях. Конечное дело, не карабин, но хоть стар, да верен, – откликнулся Пашка-Пабло и пояснил: – От дядьки Ивана, от паханито нашего. Он дал. У нас в Семибратовке четыре таких винтаря. Пули сами льем, а вот порох...

– Погоди. – Саймон поднял реликвию в ладонях, ощущая ее надежную тяжесть. Весила она побольше, чем русская винтовка «три богатыря» с подствольным гранатометом и огнеметом, что выпускалась в Туле для спецчастей ООН, и была, разумеется, не столь смертоносной, но что-то их роднило: так в лице потомка проглядывают черты прадеда. Снова погладив оружие, Саймон спросил: – Откуда она вообще взялась? Ей же пятьсот лет, парень!

Проказа хитро прищурился.

– Ты – человек ученый, брат Рикардо, тебе виднее. А я скажу, что от Мигеля слышал: дескать, когда наши драпали из Одессы от срушников, то грабанили военные склады со старым добром – все вывезли подчистую, что уместилось в их корытах. Потом была свара с дружинниками и домушниками, Большой Передел и куча Малых... Винтари у народа поотбирали, да только все не отберешь – винтарь такая штука, что сам к рукам липнет. Да разве один винтарь? Вон, в Колдобинах, пулемет есть, «максимом» прозывается... Однако неразговорчивый, без лент.

«Дальше в лес, больше дров, – подумал Саймон, стараясь извлечь самое ценное из этого ливня информации. – Большой Передел и куча Малых... свара с дружинниками и домушниками... а еще – когда наши драпали из Одессы... из той Одессы, где нынче ветер гуляет над пепелищем...» Сотня вопросов вертелась у Саймона в голове, но, не желая пришпоривать скакуна удачи, он спросил лишь об одном:

– Этот Мигель... Кто он такой, Проказа?

– Учитель наш и писарь, из городских, из Рио. Ссылный, хоть и не враг народа. Попал за какие-то вины в кибуц, на свекле чуть не подох, да дядька Иван его на бычков сменял. Голова! Одно слово, городской! Будет тебе, брат Рикардо, с кем умные речи говорить, а заодно и кружку опрокинуть.

– Я не пью, – сказал Саймон.

– Никто не пьет, батюшка. Все только выпивают.

С этими словами рыжий хлестнул мулов, и они въехали в городок.

Саймон, ожидавший увидеть дома из бревен, как в Смоленске, с просторными окнами, крылечками и верандами, был разочарован: тут строили по южноамериканским образцам, и беленые глиняные стены под черепичными кровлями тянулись вдоль пыльной улицы глухим и жарким монолитом. Его рассекали лишь узкие двери, закрытые или распахнутые. Иногда путнику удавалось заглянуть во дворик – тоже вымощенный утоптанной глиной, с неизменным деревом посередине, с очагом и крохотным бассейном или цистерной для воды. Но эти патио, как и знакомый быт небольших городков Латмерики и Южмерики, не занимали Саймона; он глядел на людей. Белых и смуглых, с кожей оттенка бронзы или цвета густого кофе, с негроидными или славянскими чертами, с глазами голубыми, карими и темными, как бразильская ночь, с шапкой курчавых черных волос или с льняной, выгоревшей на солнце гривой, с каштановыми локонами, с рыжими патлами, точно такими, как у Пашки Проказы... Это было поразительное зрелище – не потому, что в Разъединенных Мирах не случалось смешения рас, но совсем по иной причине: инстинктивно Саймон готов был услышать испанскую речь, португальскую или английскую, однако здесь говорили по-русски. И это казалось странным, будто он внезапно сделался зрителем какой-то неправдоподобной оперетты. Обличья – вавилонское столпотворение, а язык – один... Тот самый, что вывезен из Одессы – со всем, что уместилось в кораблях... «Где они, кстати?.. – мелькнула мысль. – Где флот, преодолевший океан? Сгнил? Проржавел? Или пошел в переплавку?»

Раздумья Саймона прервались; фургон выехал на площадь.

Она была прямоугольной, и в дальнем узком ее конце стояла церковь со звонницей – маленький белый храм о пяти маковках с крестами, в привычном Саймону православном стиле. Казалось, его должны окружать бревенчатые избы и терема, но на церкви русский колорит кончался: четыре других строения на площади были низкими длинными белыми касами, крытыми оранжевой черепицей. Два – слева, два – справа. Слева – полицейский участок (перед ним слонялся служивый в синей форме, с кобурой на ремне) и почтовая контора под вывеской: трубящий в рожок всадник; справа – лавка со всякой всячиной и корчма под названием «Салун». Рядом с участком виднелось некое странное сооружение, похожее на колодец, – обнесенная невысокой кирпичной стенкой яма, а над ней – то ли ворот, то ли лебедка с толстой цепью, на которой болтались кандалы. У полицейских и почтарей узкие окна были зарешечены, а над крышами торчали антенны. «Значит, есть радиосвязь», – подумал Саймон, пытаясь в то же время догадаться о назначении ямы и ворота; лавку украшали три широкие, распахнутые настежь двери, сквозь которые можно было разглядеть прилавки и полки с товаром, а при корчме имелся навес на столбиках с перилами. На перилах сидел бородач с ружьем на колене, а рядом были привязаны четыре лошади и мул покойного отца Домингеса. Пашка, зыркнув на бородача, пробормотал: «Здесь они, вражье семя!» – и вознамерился подхлестнуть мулов.

– Правь к церкви, – распорядился Саймон.

Над воротами храма был выложен мозаичный крест, а под ним – что-то странное: изображение монеты в одно песо, выкрашенное серебряной краской. Такие же непонятные символы были на остальных строениях: корчму украшала резная фигура в длинном плаще, лавку – намалеванные на дверях зубастые крокодилы, почтовую контору – большой деревянный «штук» под стрехой, а полицейский участок – пушка. Старинная пушка на огромных колесах, выбитая из жести, напомнившая Саймону нечто знакомое: герб родного города Смоленска.

С недоумением пожав плечами, он велел Проказе остановиться, прыгнул на землю, обошел фургон и бережно поднял на руки тело отца Домингеса. Потом направился в церковь – пустоватую, но опрятно прибранную, – поискал взглядом место поприличней и опустил свою ношу под иконой Христа-Спасителя.

Сзади послышались шаги, потом – деликатное покашливание. Саймон обернулся. Дьячок... Пожилой, маленький, тощий, с бородкой клинышком и мутноватыми глазками... Кожа белая, борода пегая, однако нос приплюснутый, с широкими негроидными ноздрями...

– Ох, горе, горе... Творят бесчестие, убивцы, на радость Сатане... Кто на этот раз, сын мой?

– Отец Леон-Леонид Домингес из Рио, – ответил Саймон, вытащил из кармана кошелек и сунул его в руку дьячка. – Вот сорок песо. Положить во гроб, отпеть и похоронить в освященной земле. И крест поставить. Лет ему было сорок три.

– Все исполнится, сын мой, – кивнув, дьячок шмыгнул носом. – Вечор батюшке доложу, отцу Якову.

– А сейчас где он? – спросил Саймон, оглядывая пустую церковь.

Дьячок смущенно потупился:

– Спит... Вчера, вишь, дитя крестили. Невинный младенец, хоть от Кобелины, помощника огибаловского. Кобелино-то девку силком взял, дочь Симона-плотника, но от отцовства не отказался. Редкий случай! Крестины вчера же закатил, упоил вусмерть, а допрежь всего – отца Якова. А как с ним не выпьешь? Сегодня не выпьешь, завтра не выпьешь, а после в Голый овраг попадешь. Огибаловские и так попов не любят...

– Отчего же? – поинтересовался Саймон.

– Оттого, – пояснил дьячок, – что справный поп в народе веру в справедливость держит, а такая вера бандеросам ни к чему. Ни огибаловским, ни тем, что в столице сидят. Они бы нас всех вырезали, ежели б не дон Хайме... – Тут он испуганно перекрестился, уставился на Саймона и дрожащим голосом произнес: – А ты-то, сын мой, из каковских будешь?

– Из своих, – успокоил его Саймон. – Послан сюда вместе с отцом Домингесом и буду служить в семибратовской церкви. Братом Рикардо меня зовут.

– А одет отчего не по чину? Без рясы и креста? – Теперь дьячок глядел на Саймона с подозрением.

– Казнь буду вершить. Для того церковное облачение – наряд неподходящий.

Он зашагал к выходу, но на пороге остановился и, обернувшись, произнес:

– Ты сказал, что справные попы в народе веру в справедливость держат. А батюшка ваш Яков – справный поп? Или из тех, что веру на бутылку променяли? И пьют с бандитами?

Дьячок потупился и развел руками:

– Как с ними не выпьешь, как не уважишь? Жизнь всякому дорога... и своя жизнь, и семейства...

Очутившись на раскаленной пыльной площади, Саймон увидел, что народу там прибавилось. Перед участком торчали пятеро в синем, один – с серебряными шнурами, свисавшими на грудь, и в фуражке с лакированным козырьком – опирался спиной о ворот; у почтовой конторы маячил чернокожий грузный мужчина, тоже в мундире, а при нем – две

хорошенькие девушки, беленькие да румяные; в дверях магазинчика толпились любопытные, общим числом тринадцать душ, и еще столько же выглядывали из корчмы-салуна – бородатые, усатые и бритые, простоволосые и в шляпах с широкими полями, всех цветов кожи, но с одинаковым жадным любопытством в глазах. А перед корчмой, у коновязи, картинно подбоченясь, стояли трое: Хрящ с крестом отца Домингеса за поясом и пара его подручных, бородач и коренастый – тот, который сопровождал Хряща в набеге.

Саймон неторопливо направился к салуну, размышляя о том, что двое из этой троицы, а, возможно, и третий, знают о гибели брата Рикардо, а значит, стали ненужными свидетелями. Ведь брат Рикардо жив! И всякий, кто усомнится в этом, рискует головой. Собственно, почти ее потерял: и как свидетель, и как палач невинных жертв. Учитывая важность своей миссии, Саймон считал оба эти факта равновесными.

Пашка-Пабло шел за ним след в след, обвешанный оружием: у пояса – два мачете и собственный нож, в руках – огромная винтовка, с плеча коричневой змеей свисает патронташ. В карманах у него что-то побрякивало, глаза мерцали, а синяк под глазом и в самом деле светился как фонарь, пылая огнем праведной мести. Не оборачиваясь, Саймон спросил:

– Кто тут за старшего, Проказа?

– А нету никого. Здесь ведь не Семибратовка. Это у нас – общак, у нас – староста выборный, а тут, батюшка, город. Поделенный, значит, промеж бандер. Не знаю, как там у вас в столицах, а тут главара нет. Есть сержант-вертухай – видишь рыло с серебряными подвесками у пытошной ямы? – а при нем пяток смоленских. Вроде бы за порядком присматривают, да все они, блин тапирий, в доле у огибаловских.

– Ну что ж, – промолвил Саймон, – и я их не обижу. Бог велел делиться.

До Хряща оставалась пара шагов, когда тот небрежно пошевелил карабином, нацелив его в живот Саймону. Скорей пониже, и этот жест был понятен всякому воину-тай: у них, желая оскорбить, кололи в детородный орган. Так, слегка, для демонстрации превосходства... И Саймон, невозмутимо взирая на ухмылявшихся бандитов, вдруг подумал, что у тайят и людей гораздо больше общего, чем полагают ксенологи. Четырехрукие тайят не стремились к завоеваниям и власти, не избирали вождей, не верили в богов и не копили богатств, и женщины их рожали однополую двойню – что вело к иной традиции брака и странной, с точки зрения ксенологов, организации семьи. Но в главном различий не было: они ненавидели и любили, ценили отвагу и благородство, славили силу и презирали слабость.

Как, вероятно, эти трое, мнившие себя такими сильными... Но здесь начинались различия: слабые у тайят могли селиться в землях мира, где слабость не греховна и не влечет опасностей и унижений. Сильные спускались в лес, где слабости не место, и только там она была виной – так как слабый, попавший в схватку сильных, виноват всегда. Но люди, не в пример тайят, бились всюду, и всюду сила торжествовала над слабостью, а значит, слабых приходилось защищать. Или хотя бы мстить за них, за всех невинно убиенных, коль не в обычае людей делить свои земли на мирные и не мирные.

Саймон шагнул вперед. Запахи пота, кожи и спиртного ударили а нос, ствол карабина уперся ему в промежность.

– Ты кто, сучок? Не признаю... Гладкий, белый... Вроде ремней мы из тебя не резали? – Брови Хряща приподнялись в издевке, но взгляд оставался волчьим, настороженным.

– Вошь кибуцная, – предположил бородач, почесывая темя. – Разве их всех упомнишь! А вот этот, – он ткнул пальцем в Проказу, – из семибратовских мозгляков. Этот за фонарем приперся. Чтоб, значит, с обеих сторон светило.

Третий, коренастый в плаще, ничего не сказал, но приглядывался к Саймону с подозрением – может, вспоминая вопль, долетевший из придорожных кустов. А может, был он от

природы молчалив и разговорам предпочитал стрельбу: ствол его карабина глядел Проказе между глаз.

– Мне нужно это, – произнес Саймон, кивая на крест.

– Это? – с удивлением протянул Хрящ. – А еще одна дырка в заднице тебе не нужна? – Он прищурился, потом отвел карабин и вскинул его на плечо. – Ну, раз хочешь крестик, выкупи, сучара. Что там у тебя в карманцах брякает? Не песюки? А может, камень самоцветный завалился?

– Денег нет. Их я в церковь отнес, на помин души отца Домингеса. Но камень найдется, горький камень... Его и отдам.

Хрящ поглядел на коренастого, подмигнул бородатому.

– Что он болтает? Камни горькие, души... не пойму... Нет денег – нет разговора! Хотя... – Какая-то мысль пришла ему в голову, и, оглядев Саймона, Хрящ ухмыльнулся и махнул рукой. – Ладно, парень! Сегодня я добрый! Хочешь крест – бери в обмен на службу. Запряжем мы тебя с приятелем в возок и прокатимся в Семибратовку, дорогой в Марфин Угол завернем и в Волосатый Локоть... Всего-то и делов! Согласен?

За спиной у Саймона Пашка скрипнул зубами и пробормотал, потянувшись к мачете:

– Ножик дать, брат Рикардо?

– Нет. – Саймон мотнул головой. – Зачем мне ножик? Крыс давят сапогами.

Челюсть у бородача отвисла, а коренастый, в пестром плаще, что-то зашептал на ухо Хрящу, тыкая карабином то в почтарей, то в вертухаев-полицейских, то в здание церкви. Хрящ с досадой оттолкнул его.

– А хоть бы и так, Моченый! И что? Тут наша земля, и пришлые нам не указ! Ни смоленские, ни дерibasовские! Ни прочие гниды и курвы! – Он развернулся к Саймону. – Крыс, говоришь, сапогами? Ты кто ж таков, сучара? Топтун от столичных крутых? Или сам крутой? Говори!

– Крутой, – подтвердил Саймон. – Ты еще не знаешь, какой я крутой.

Он сделал неуловимое движение; согнутые пальцы столкнулись с чем-то упругим и податливо-хрупким, незащищенным, пробили преграду, расслабились, отпрянули... Треснула кость, голова Хряща бессильно обвисла на переломанной шее, тело стало заваливаться вбок, на бородатого, который уставился в лицо главарю в немом изумлении. Саймон выбил карабин из лап бородача, отшвырнул его, готовясь атаковать коренастого, который поднимал оружие – но медленно, слишком медленно! Ствол карабина еще только целился в землю, а Саймон уже успел подпрыгнуть – здесь, в этом мире, он был почти невесом! – и нанести удар ногой. Смертельный удар. Носок его башмака сокрушил коренастому пару ребер, осколки проткнули сердце и, раздирая плевру, проникли в легкое. «Быстрая смерть», – подумал Саймон, глядя, как на губах умирающего вздулся и лопнул кровавый пузырь.

Ступни его коснулись земли, взбив белесое пыльное облачко. Бородатый вышел из столбняка; размахивая мачете, словно отгоняя мух, он ринулся к полицейскому участку, к безмолвным фигурам в синем – то ли в надежде на помощь, то ли в смертельной панике. Ему удалось сделать четыре шага; затем Саймон снова взвился в воздух, словно подброшенный невидимой пращей, и камнем рухнул ему на спину. Горьким камнем, как было обещано: пальцы левой его руки сомкнулись на заросших волосом щеках, пальцы правой тисками сдавили затылок; резкий поворот, хруст, хриплый сдавленный вопль... Отпустив обмякшее тело, он повернулся к Пашке:

– Рясу подай! Оружие собери – и в возок!

Из корчмы и лавки повалил народ, но все передвигались с какой-то осторожностью и в полной тишине, будто ослепленные вспышкой молнии либо оглохшие от раската грома. На другой стороне площади тучный негр, сержант и полицейские сошлись тесней, но тоже молчали, как бы выжидая: не будет ли продолжен спектакль и не им ли придется стать оче-

редными актерами. Пожалуй, лишь девушки с почты не примеряли никаких ролей; широко распахнув глаза, они смотрели на Саймона со сладким ужасом и восхищением.

Он подмигнул им, набросил пыльную рясу и поднял серебряный крест отца Домингеса.

– Бог свершил правосудие, добрые люди! Я, брат Рикардо, призванный в Пустошь благословлять и утешать, крестить, венчать и провожать в последний путь, сегодня сделался сосудом гнева Божьего, его карающей десницей. И пролился тот гнев на убийц Леона-Леонида Домингеса, священника из Рио, мужа праведного, оставившего сиротами двух детей... Да будет земля ему пухом! – Повесив крест на шею, Саймон кивнул сержанту: – Ты, страж порядка, возьми лошадей убийц, а также все имущество, какое при них найдется, и распорядись этим по собственному усмотрению. А вы, добрые жители Дураса, помните, что сказал всеблагий Христос, Спаситель наш: поднявший меч от меча и погибнет! Поднявший руку на невинного будет стенать в когтях Сатаны! Поднявший камень камнем и получит – горьким камнем, дробящим плоть и кости! Вот предупреждение, которое шлет вам Господь, гласящий моими устами. И если есть среди вас скудоумный упрямец, который не понял этих речей, пусть явится он в Семибратовку и послушает слово Господне еще раз. Пусть приходит, коль у него свербит в заднице! Я ему все растолкую в подробностях.

Он залез в фургон и сел рядом с Пашкой Проказой. Тот свистнул; мулы стронули возок, засемили, огибая церковь, выбрались в степь, где ветер гулял над травами, а с холмов плыли запахи цветущих акаций. Морской аромат уже не чувствовался в воздухе, но небо будто отражало океанскую синь – оно было глубоким, просторным, бездонным. Земное солнце, почти такое же, как на Колумбии и Тайяхате, грело Саймону висок и левую щеку. Он сощурил глаза, прикидывая, что сейчас часов шесть – может, десять-двадцать минут седьмого.

– До темноты будем на месте, – вымолвил Пашка-Пабло, прервав затянувшееся молчание. Потом поцокал языком и с восхищением признался: – Горазд ты, брат Рикардо, поповедничать! Сразу видать человека ученого, городского! Такой зря клювом щелкать не станет... И по башке даст, и в башку вложит, чтоб в ней дурные мысли не водились... – Он сделал паузу, покосился на Саймона и добавил: – А еще горазд ты прыгать и руками махать, горазд, батюшка! И долго такому надо учиться?

– Всю жизнь, если хочешь сберечь свои уши, – ответил Саймон.

КОММЕНТАРИЙ МЕЖДУ СТРОК

Кратер был цилиндрической формы – провал в тридцать метров глубиной и пятьдесят в диаметре. Когда-то здесь, в окрестностях Рио – прежнего Рио-де-Жанейро, – стоял гранитный монумент, изваяние принца Жоана Мореплавателя среди огромных сейб, чьи корни, подобные серым бугристым доскам, взрезали почву. Сейбы большей частью сохранились, остались лес и парк, разбитый на океанском побережье, но изваяние отправилось на Южмерику, в иной мир, к другим океанам, чьи девственные волны не качали ни испанских галеонов, ни португальских каравелл. Теперь вместо статуи темнел кратер – совсем небольшой, сравнительно с километровыми безднами следом покинувших Землю городов. Просто цилиндрическая дыра, забавная достопримечательность... Дно его выровняли, подвели трубу с горючим газом, и в кратере распустился огненный цветок – имитация миниатюрного вулкана.

Провал окаймляло широкой дугой двухэтажное каменное здание с башенками по углам, выступающими контрфорсами и зубчатым парапетом на плоской кровле, похожее на средневековый замок. От башни к башне, вдоль второго этажа, шел балкон, мощенная плиткой галерея, подпертая слегка наклонной стеной; внизу виднелся карниз полуметровой

ширины, бетонным кольцом огибавший кратер. Здание было построено к северу от него, а с юга, со стороны моря, над краем пропасти парила резная деревянная беседка, блестел серебром бассейн, обсаженный розовыми кустами, а дальше берег снижался, стекая к бухте и каменному молу полосой песка. У мола застыли катер и паровая яхта с высокими мачтами, песок был чистым, крупным, желтым; волны, неторопливо огибая мол, накатывались на него, обдавая пеной и брызгами нагую девушку. Она лежала у самой кромки прибоя, нежась в солнечных лучах; пряди ее золотистых волос намокли и потемнели.

В беседке, развалившись в плетеных креслах, сидели трое мужчин. Пожилой, высокий, лысоватый – очевидно, владелец поместья – курил сигару; жест, которым он стряхивал пепел, казался по-хозяйски уверенным, на широком бледном лице застыла маска спокойствия и властности. Рядом с ним нахохлился старик – жилистый, тощий, смуглый, с ястребиным носом и темными, как смоль, зрачками; в левой руке он держал бокал, а кисть правой, обтянутая черной перчаткой, неподвижно покоилась на коленях. Третий мужчина, светло-волосый, холеный, с тяжелой челюстью, был молод – не старше тридцати пяти. Он сидел напротив лысоватого с таким расчетом, чтоб видеть блондинку на пляже.

– Собираются ли доны начать? – спросил старик и, когда его собеседники кивнули, продолжил: – Сегодня, почтеннейшие, у нас два вопроса: «торпеды» и гаучо. Или, если хотите, гаучо и «торпеды».

– Предпочитаю второй вариант, дон Хайме, – откликнулся лысоватый.

– Как угодно, дон Грегорио, как угодно. Дон Алекс не против?

Молодой снова кивнул, обозревая стройные бедра девушки.

Тощий Хайме отпил из бокала и сплюнул в огненную пропасть.

– Итак, судари мои, Луис, наш кондор и генерал, уже за Старым Мостом, в пампасах. Три линейных отряда драгун и карабинеры... Тысячи две, если не ошибаюсь?

– Две с половиной, – уточнил Алекс, не спуская глаз с девушки. Хозяин, дон Грегорио Сильвестров, перехватил его взгляд и усмехнулся.

Хайме приподнял руку в перчатке, что-то лязгнуло, скрипнуло, рукав съехал к локтю, обнажая крепление протеза. Сухие узкие губы старика шевельнулись.

– Я полагаю, Луис пойдет от моста на север, а шестнадцатый отряд драгун и крокодилеры Хорхе Смотрителя – на юг. Дней через двадцать клещи сомкнутся, и твои головорезы, Анаконда, положат пару сотен гаучо. Так?

– Так, – с ленцой подтвердил светловолосый. – Но могут всех пустить в расход. Как договоримся, амигос.

– Мы уже договорились с доном Федором-Фиделем, милостивец мой. – Старик снова отхлебнул вина. – Две сотни убитыми и сотня пленных – Пимену в Разлом, за керосин с мазутом. Ну, десять-двадцать раненых – Сильверу на развлечение, для пыток и публичных казней... Так что, сударь, придержи своих кондоров и кайманов. Договоренности надо выполнять. Даже с доном Федькой.

– Дон! – Алекс презрительно фыркнул. – Мелкий пахан, паханито, которому мы подали жизнь! Я бы его... – Он стиснул кулак, но пожилой, нахмурив брови, пророкотал:

– «Штыки» всегда спешат, а резать и стрелять нужно с толком, чтобы добро не пропадало зря. С толком, Алекс, понимаешь? И с пользой для дела. Так, как вырезали дружинников триста лет назад, как прикончили домушников и донецких отморожков. Те были опасны, а гаучо с их доном Федькой для нас не конкуренты. Скорей партнеры! От них прямая польза, ибо стране нужны враги, и внешние, и внутренние, чтоб было с кого спросить за всякую провинность.

– Обвиноватить, сударь мой! – хрипло каркнул дон Хайме, стукнув кулаком в перчатку по колену. – Виноватый – всегда враг, а враг – всегда виноват! Такая вот логика!

– Ты прав, Хайме. – Грегорио Сильвестров степенно кивнул. – Нам нужны враги, необходимы, чтоб в трудный час бросить их шестеркам на растерзание. А где мы возьмем врагов, вырезав всех под корень? До срушников и бляхов далеко... а эмиратские еще дальше.

– Враги найдутся, – буркнул Алекс. – Тот же Хорхе с его крокодилерами или черные Пиментала.

– Их шестеркам не бросишь. – Дон Грегорио погасил сигару и швырнул ее в пропасть, за резные перила беседки. – Свара с Хорхе и Пименом – это уже Передел... Большой Передел, как во времена домушников! Пока не в наших интересах, Алекс.

– Ладно! – согласился светловолосый, не спуская глаз с блондинки. Она приподнялась на колено и начала стряхивать песок; груди у нее были полными, упругими, с алыми вишнями сосков. – Ладно! Двести так двести! А что потом?

– Это ты скажи, что потом. – Старик насмешливо прищурился. – Ты наследственный спец по военной части. Мое дело – налоги драть, Сильвер у нас – страж спокойствия, а ты – Анаконда и главный «штык»! Тебе и решать, сокол мой.

Алекс нерешительно ухмыльнулся, наблюдая, как девушка, стряхнув с плеч песок, отжимает волосы.

– А что решать? Отступим к мосту, к Харбохе. Вследствие временных неудач.

– Э, любезнейший, так не пойдет! – Протез лязгнул, дон Хайме привстал, опираясь рукой в перчатке о подлокотник кресла. – Зачем нам поражения и неудачи? Для нас – поражение, для Хорхе – победа! Зубастый он, этот Хорхе... Сделаем вот как: победоносное наступление приостановлено, ибо старый скряга Хайме прекратил финансировать операцию. Отсюда – трудности с углем, мазутом и патронами... Без угля паровик не ездит, припасы не доставить, а кораблями тоже не подвезти – из-за алчности «торпед», которым не хватает патриотизма. Думаки пусть заявят протест, а дон Грегорио и дон Алекс его поддержат, как и подпевалы из прочих департаментов. А я поплачусь: «торпеды» вздули дань за перевоз, финансовый кризис в державе, казна – три с половиной песюка, готов уйти в отставку. И спустим все на тормозах. Или свалим на Трясунчика.

– Ума палата, – уважительно произнес дон Грегорио, раскурив новую сигару. – Не возражаешь, Алекс?

Тот пожал плечами:

– Не возражаю. Двести голов, сотня пленных, и наступление будет приостановлено. С Федьки-Фиделя – бочонок пульки.

– И столько же – с меня, благодетель. К свадьбе твоей, шестерок поить, – сказал старик, почесывая щеку. – Ну, милостивые доны, не пора ли заняться «торпедами»? – Он покосился на лысоватого, дождался согласного кивка и вымолвил: – Тут случай ясный, соколы мои: мытари их обнаглели, вдвое за провоз дерут, а у Хосе-Иоськи крыша поехала – дела забросил, кораблики в луже пускает да кормит срушников дерьмом. Надо же, пообещал Сапгию целый флот броненосцев во главе с «Полтавой»! А пан Сапгий у нас не дурак, совсем не дурак... Как бы своих людишек не заслал для проверки, а это нам и вовсе ни к чему... Так что же? Будем кончать Трясунчика?

– Будем, – согласился дон Грегорио. – Я кого-нибудь подыщу из мелкоты, из вольных отстрельщиков...

– Не лучше ли сдать Трясунчика крокодилерам? – предложил молодой.

– Не стоит. Слишком уж звероватые, а Хосе-Иосиф все-таки дон... Пусть отойдет пристойно, с миром.

Девушка на пляже присела, широко расставив колени, и Алекс, глава Военного департамента по прозвищу Анаконда, судорожно сглотнул.

– Хороша кобылка? – Дон Грегорио изобразил улыбку. – Не терпится, а?

– Стерплю. Недолго осталось. – Алекс побагровел и, желая замять неловкость, тоже оскалился в усмешке. – На такой кобылке только и гарцевать в пампасах за мостом или в Пустоши... Лихое место эта Пустошь, опасное – без резвого коня! Одни изгои да ранчERO... А еще, доносят, сумасшедший поп в Дурасе объявился – божий человек, а трех диких пришиб. Разом!

– Выходит, судари мои, я их не зря прикармливаю, попов-то, – заметил дон Хайме. Потом спросил – правда, без особого интереса: – А дикие чьи?

– Из шайки местных отмороzков. Под Огибаловым ходят. Был такой сборщик-мытарь у «плащей», брал налог за пульку... Не донес хозяину песюков, вот Монтальван его и выгнал.

– Зря выгнал, – произнес дон Грегорио, поджав губы. – Я бы бросил ублюдка кайманам. Или подвесил над муравейником – за ребро да на крюк!

ГЛАВА 3

– Во имя Отца, Сына и Святого Духа нарекаю тебя Николаем-Никколо!

Саймон перекрестил младенца и сунул его в руки матери. Паренок попался спокойный; не пискнул, не вякнул, а лишь таращил круглые глазенки – черные, как у Поли-Пакиты, внучатой племянницы старосты Семибратова. А вот волосики были у него точно редкий светлый лен – в отца, Ивана-Хуана, который приходился Семибратову троюродным племянником и тезкой. Все жители деревни состояли в ближнем и дальнем родстве, но брачные связи меж ними не приводили к вырождению – тут сказывался приток иной крови, афро-американской. Семибратовка – семь крепких усадеб-фазенд вдоль широкой улицы – стояла на своем месте без малого два столетия, со времен Большого Передела, и за этот срок приняла многих чужаков, белых, черных, бронзовых и шоколадных. Пришлецы женились и тут же делались чьими-то свояками либо зятьями; ну а дети их были уже кровь от крови семибратовскими.

Что касается названия деревни, то оно пошло от семи братьев или дружанов, поселившихся тут вскоре после исхода. Не того, Великого, когда миллиарды землян переселились к звездам, а исхода-бегства, произошедшего лет через двадцать после братоубийственной свары меж громадянами и Русской Дружиной. Ее подробностей Саймон еще не выведал, но результат был налицо: тысячи беженцев с Украины, преодолев океан, колонизировали Америку. Разумеется, Южную; Северная, если не считать остатков Канады, была перепахана кратерами и пребывала в запустении. Нынче же, по словам всезнайки Майкла-Мигеля, в ФРБ и ее Протекторатах, Канадском, Чилийском, Парагвайском и Уругвайском, проживало двадцать миллионов, да еще тысяч пятьсот обосновались в Кубинском Княжестве, территории хоть автономной, но состоявшей в союзе с бразильцами.

Не с бразильцами – с бразильянами, поправился Саймон. Бразильцы обитали на Южмерике, в тридцати трех парсеках от Старой Земли, а народ, пришедший им на смену, назывался бразильянским. Правда, кое-кто, подчеркивая происхождение от чернокожих предков, говорил: я – бразилец! – и добавлял пару полузабытых ругательств на португальском. Но таких гордецов и снобов в Семибратовке не водилось, как и во всех окрестных селениях – в Марфином Углу, Колдобинах, Чапарале и Волосатом Локте.

Малыш Николай-Никколо улыбнулся Саймону беззубым ртом – уже с рук старосты Семибратова, крепкого мужика за шестьдесят, с окладистой пегой бородой.

– Хорошего парня Полюшка выродила, – пробасил он, стиснув толстыми пальцами рукоять мачете. – И ты, брат-батюшка Рикардо, хорошее имя ему придумал, крепкое. Колян! Будет пока что Колян, а возрастет да войдет в мужицкую силу, и прозвищем разживется. Так, батюшка?

Саймон молча кивнул. Народ, побольше сотни человек, присутствовавших на обряде, едва ли не все обитатели Семибратовки, потянулся из храма на улицу, шаркая по деревянным полам сандалиями и сапогами. Парни и мужчины были вооружены, и лишь местный учитель, Майкл-Мигель Гилмор, являлся исключением; он насилия не признавал и не любил оружия. В церкви остались несколько женщин – навести порядок да разобраться с церковным имуществом, а заодно проверить, не надо ли чего брату-батюшке – сготовить или постирать. Коттедж Саймона в Грин Ривер состоял на попечении роботов, и он не привык к такой заботливости, имевшей, как все на свете, хорошую и дурную сторону. За ним ухаживали, его поили и кормили и даже преклонялись перед ним – как перед священником и человеком, который владеет тайной боевого мастерства, – и это было совсем неплохо; однако множество глаз и услужливых рук – не лучшее обстоятельство сохранения чего-нибудь в тайне. В конце концов он сжег свою одежду, а драгоценный маяк и остальное имущество спрятал под алтарем со священными дарами. Туда его прихожанки не лезли, боясь совершить святотатство.

К нему протолкался Мигель. Рубаха его была распахнута, и Саймон видел рубцы шрамов, сизые на темной коже, – шесть длинных отметин бича, пересекавших живот и грудь. Еще шесть красовались у Гилмора на спине.

– Мои поздравления, брат Рикардо. – Голос Мигеля был глубоким, звучным, хоть сам он не мог похвастать богатырской статью. – Первый младенец, коего вы окрестили... Правда, свершенный вами обряд показался мне несколько странным.

«Еще бы!» – подумалось Саймону. Службу он правил по детским своим воспоминаниям о церквах православного Смоленска, но хоть память его была отменной, кое-что в ней перепуталось. Его родичи с отцовской стороны были мормонами, и сестра Саймона-старшего, богомольная тетюшка Флоренс, таскала Дика в молеальный дом, где служили совсем иначе, чем у православных, – без всякой пышности, по-деловому строго, но истово. «Похоже, – у Саймона мелькнула крамольная мысль, – мне предстоит объединить две ветви христианства».

– Ты, Мигель, не бухти, – молвил тем временем староста Семибратов, оттесняя учителя. – Все прошло лучше некуда, раскудрить твою мать! Главное, у брата-батюшки руки крепкие, не трясутся, а вот отец Яков и тверезым дите в купели утопит. – Он взял Саймона под локоток и подтолкнул к выходу. – Иди-ка ты, брат-батюшка, скидывай свою рясу, облачайся в мирское, и пойдем поспразднуем нашего Коляна. Столы чай ждут!

Столы и в самом деле ждали – в тени церковных стен, сложенных из крепкого, обожженного на солнце кирпича. Семибратовская церковь была не только храмом, но, как самое прочное и большое сооружение в деревне, являлась еще цитаделью и школой; двери ее сколотили из деревянных плах, окованных железом, а узкие окна напоминали бойницы. Пристроенный сбоку навес защищал от зноя, и под ним, на вкопанных в землю столбах, тянулись столы-помосты, ломившиеся сейчас под тяжестью котлов с мясной похлебкой, блюд с говяжьим и тапирьим мясом и жбанов пеньки. Спиртное гнали из кактусов, ибо с зерном и картошкой в Пустоши было туговато. По случаю праздника эти лакомства тоже присутствовали на столах, однако в малом количестве: овощи выменивали у кибуцников, а зерно, пшеницу и маис привозили с севера и юга.

Саймон отправился переоблачаться, размышляя о том, какая судьба ожидает крошку Коляна-Никколо. Конечно, будущее – туман и мрак, но если миссия его завершится успехом, то лет через двадцать парень, вполне возможно, очутится совсем в иных краях. Скажем, в мире России, Европы или Колумбии, или в любом из сотен других миров, доступных человеку... А может, Колян останется здесь, но главное будет при нем: право выбора и возможность странствовать среди звезд. И если он решит странствовать и попадет в нормальный мир, ему понадобится не кличка, а настоящая фамилия. Фамилии, как Саймон уже знал со слов Мигеля-Майкла, имелись в основном у городских, а в Семибратовке такая привилегия была лишь у старосты, поскольку он являлся местным паханито – иными словами, главарем. Всем остальным мужчинам давали имена и клички – Проказа, Филин, Полторак, Ушастый; женщинам – только имена. Традиция двойных имен в селе и в городе немного различалась: у городских первым называли португальское или испанское имя, у сельских – русское. Имена да немногие слова – вот и все, что унаследовал язык пришельцев от прежних Бразилии и Аргентины, Боливии и Перу... Саймона это не удивляло: колонисты раз в двадцать превосходили числом остатки местного населения.

В своей комнатухе под звонницей он сбросил рясу, проверил, что цилиндр фризера по-прежнему таится за широким поясом, и наскоро побрился – с помощью древней, но острой бритвы, зеркальца и теплой воды. Эта процедура стала для него привычной за две недели в Семибратовке; тут не было ни паст для снятия волос, ни убиравших щетину вибраторов. Всматриваясь в зеркало, он отметил, что выглядит посвежевшим: на лоб, широковатые скулы и подбородок легла плотная вуаль загара, и зрачки на смуглом лице казались

двумя ярко-синими сапфирами. В Семибратовке было полдюжины девиц на выданье, и все они заглядывались на Саймона: ведь всякий поп когда-нибудь обзаведется попадьей, став из брата-батюшки Рикардо отцом Рикардо. Но Саймон не спешил в отцы.

За столом его поджидало почетное место, напротив старосты, сидевшего с шестью бородачами, владельцами фазенд. Их усадьбы и загоны для скота выстроились вдоль широкой улицы, а дальше стояли общинный амбар, сложенный из желтых и бурых кирпичей, церковь и кабак. Кабак держал Петр-Педро Ушастый, пронырливый мужичонка смешанных кровей, а церковь по утрам служила школой, где учительствовал Гилмор, сорокалетний темнокожий холостяк, изгой из Рио. Саймон уже понимал разницу между изгоем и отморозком-извергом: изгой – тот, кого изгнали и отправили в кибуц, а отморозок – извергнутый, отмерзший от своих. От своего бандеро, то есть клана. Тут тоже были кланы, как на Тайяхате, но назывались они не столь поэтично, как у тайят: «штыки», «плащи», «клинки», «торпеды», «крокодилеры», дерибасовские... Еще были смоленские, и это казалось Саймону странным: Смоленск, в отличие от Одессы или, к примеру, крымских городов, не был связан с последними событиями на Земле. Такими же странными и непонятными казались и отношения кланов-бандеро с властью; семибратовские не видели между ними различий, и, по словам Мигеля, их действительно не имелось.

Мигель являлся главным источником информации для Саймона, но черпать ее приходилось наперстками – и преимущественно во хмелю. По вполне понятным причинам брат Рикардо, окончивший семинарию в Рио, прямых вопросов задавать не мог, да и ответы старался давать невнятные и уклончивые. К несчастью, Мигель был человеком любопытным, а после стаканчика пульки – весьма разговорчивым. За эти-то разговоры и был он бит кнутом, а после отправлен в кибуц, в сельскохозяйственное поселение, где вышибали дурь из слишком умных и болтливых. Староста Семибратов выменял его на трех бычков и произвел в учителя, но в Рио Мигель занимался иным: служил при Государственном Архиве, а между делом пописывал стихи. Не те стихи, что одобрялись властью; впрочем, здешняя власть никаких стихов не одобряла.

– Благослови трапезу, батюшка! – пророкотал Семибратов, поднявшись, и стукнул о стол рукоятью мачете. Саймон благословил и сел напротив старосты, рядом с Мигелем-Майклом, высматривая Проказу; потом припомнил, что Пашка, вместе с дружбаном своим Филином, нынче стоит в дозоре. Последние пять-шесть дней выдались тревожными: один из огибаловских бугров спалил фазенду в Чапарале, другой повеселился в Дурасе – накачал отца Якова пивом и привязал к могильному кресту; поп терпел-терпел и, наконец, обмочился. Произошли и другие события, все – неприятного свойства: чей-то конь добрел домой без всадника, где-то умыкнули девушку, где-то перебили скот, а в Волосатый Локоть появился сам Огибалов с требованием выкупа: двести песо, бочку пульки и возок говяжьих туш. Саймону чудилось, что всякие беды так и бродят вокруг Семибратовки, готовые навалиться в любой момент не с запада, так с востока, не с севера, так с юга. Староста, по его подсказке, начал отправлять дозорных на холмы, но это не гарантировало от неприятностей: двадцать шесть семибратовских мужиков с тремя трофейными карабинами и четырьмя винтовками не могли оборонить поселок.

Да и в этом ли поселке заключалась суть? Все проще, много проще, думал Саймон. Тут, в Пустоши, жили люди родного ему языка; пасли скот, растили детей, платили что положено властям, однако власть не собиралась их защищать от вымогателей и убийц. Возможно, сама эта власть являлась первым вымогателем и убийцей – с чем предстояло еще разобраться; но власть была далеко, в Рио, в Харка-дель-Каса, в Дона-Пуэрте, Харбохе и других больших городах. Власть была далеко, а огибаловские – близко, и Ричард Саймон, помня о главной своей миссии, не забывал о мелочах.

Для Тени Ветра, питомца Чочинги, эти степные шакалы и впрямь являлись мелочью: он убил бы их там, где нашел, и нанизал бы их пальцы на Шнур Доблести. Но Ричард Саймон, агент ЦРУ, серый ангел с далеких звезд, давно усвоил простую истину: карать легче, чем защищать. Это была человеческая мудрость, но все равно она имела связь с Поучениями Наставника. Он говорил: «Наступит день, и ты пройдешь тропой из тех троп, что ведут к Искрам Небесного Света; ты вернешься в свой мир и будешь жить со своими людьми, сражаться в своих лесах – так, как сражается твой народ, не различающий земли войны и мира. Это плохо, – говорил Чочинга, – но так заведено у вас, людей; и в ваших лесах, я думаю, иной обычай; там легче отрезать чужие уши, чем сохранить свои».

За собственные уши Саймон не беспокоился, но в Семибратовке, кроме мужчин, жили женщины и дети, а значит, эта земля не подходила для битв. Точно так же, как и деревня на Латмерике, у гор Сьерра Дьяблос, выжженная головорезами Сантаньи... Временами, вспоминая о самом первом своем задании, он видел, как подымаются столбы с изуродованными телами; безглазые лица следили за ним, и девушка, прижимая ладонь к распоротому животу, беззвучно шевелила губами, будто спрашивая: что же ты меня не защитил?.. Отчего опоздал?.. Где задержался?..

Эти сцены долго преследовали Саймона, и даже целительный транс цехара, еще один дар Чочинги, не позволял забыть о них. Он был прагматиком – по собственной духовной конституции и потому, что вырос среди тайят, не признававших иррационального; и, как прагматик, понимал, что Огibalов и Сантанья – горошины из одного стручка. Были трупы в той деревне на Латмерике, будут трупы здесь; там развешивали на столбах, тут привяжут к лошадям и пустят в степь. И разница заключалась лишь в том, что на Латмерике он опоздал, а тут явился вовремя.

Опустошая тарелку с жарким и поднимая стакан – в ответ на каждый тост, провозглашенный старостой, Саймон приглядывался к соседям. Женщины не слишком веселились, да и мужчины были настороже: у каждого – мачете за поясом, а у пятерых, самых метких стрелков, – ружья. Только у пятерых... Еще – у Пашки и Филина, а в огибаловской шайке – сто двадцать головорезов и карабины... отменные карабины! Ракеты и лазеры тут делать разучились, чего не скажешь о вещах попроще...

Гилмор мяса не ел, прихлебывал из кружки и жевал, жмурясь от наслаждения, хлебную корку. Дожевав, повернулся, жарко дыхнув соседу в ухо. Под градусом учитель, автоматически отметил Саймон, может, удастся разведать что-нибудь новенькое. В подпитии Мигель любил поговорить.

– Прости мою назойливость, брат Рикардо, твое семейство не из Харькова? Я не о Харка-дель-Каса, а про Харьков, настоящий Харьков, что в Европе... в бывшей Европе... столица ЦЕРУ...

– Из Харькова, – подтвердил Саймон. – Но если верить семейным легендам, род наш – смоленский, а в Харьков переселился мой предок в двадцатом колене. Еще в те времена, когда Россия была не Россией, а... – Он сощурился, припоминая. – Кажется, ее называли союзом? Славянским? Нет, советским! Точно, советским. От слова «советовать».

– А мне помнится, совещательным, от слова «совещаться», – возразил Гилмор. – Впрочем, не буду спорить – о тех временах так мало известно! Когда я служил в Архиве при департаменте дона Грегорио... – Учитель вдруг помрачнел и надолго присосался к кружке; кажется, эти воспоминания не относились к числу приятных. Пулька, однако, его подбодрила; не прошло и минуты, как он, придвинувшись к Саймону и понизив голос, произнес: – Кстати, о доне Грегорио Сильвестрове... о Черном Сильвере, как его прозывают. Знаешь, брат Рикардо, Сильвестровы тоже родом из Смоленска! А потому, – Мигель перешел на шепот, – их бандеросы именуются смоленскими. Так сказать, дань памяти предков... Может, они у вас общие с доном Грегорио? Не по мужской, так по женской линии?

Он уставился на Саймона, но тот и бровью не повел. С легкой Пашкиной руки по деревне ходили истории о схватке с Хрящом, и число убитых – в Пашкином пересказе – уже перевалило за дюжину, хоть карабинов взяли только три. Особенно впечатляло, что брат Рикардо расправился с огибаловскими без оружия, без винтара или мачете и даже без палки – прихлопнул их ладонью, как надоедливых навозных мух. Конечно, возникал вопрос, где брат-батьюшка научился таким смертоубийственным приемам – не в столичной же семинарии! Выходит, довелось ему погулять в бандеросах, в смоленских или еще в каких... А может, в крокодильерах или гаучо? Те тоже считались мастерами кровь пускать без пули и клинка.

Но это семибратовских не слишком интересовало; являясь реалистами, они были уверены, что поп-драчун надежней попа-пьяницы, такого, как батюшка Яков, и даже пьяный поп намного лучше, чем полное отсутствие попа. Однако Гилмор был иным, замешанным из теста, идущего на выпечку интеллигентов, а этот сорт людей всегда страдал двумя пороками: излишним любопытством и болтливостью. Благодаря чему кибуцы в ФРБ не пустовали – как, впрочем, и Каторжные Планеты в Разъединенных Мирах.

Вытянув длинную руку, Саймон ухватил кувшин и щедро плеснул в кружку Мигеля Майкла. Потом, подняв глаза к небу и озирая крест над церковной звонницей, задумчиво произнес:

– Должно быть, Мигель, ты выведал массу интересного, трудясь в Государственном Архиве. Интригующее это занятие – копаться в древних бумагах. От них пахнет тайнами, секретами...

– ...и плесенью, – закончил Гилмор. Его глаза блестели, к впалым щекам прилила кровь, и теперь они казались не темно-шоколадными, а лиловыми. – Знаешь, брат Рикардо, не такое уж удовольствие штабелевать протоколы думских заседаний и клеить на папки ярлыки. И нет в них ни тайн, ни секретов... Кроме того, настоящие древности в Архиве не держат – все подобные документы переправлены в Форт. Так сказать, на вечное хранение и забвение...

«В Форт», – отметил Саймон, а вслух поинтересовался:

– Но разве сведения о доне Грегорио и его семействе не секретны?

Учитель пожал узкими плечами:

– Какие тут секреты! Был секрет, да весь вышел – еще в эпоху Передела, когда повязали домушников, проволокли до Озер и бросили на корм кайманам... тех самых боссов из НДБ, что заседали в Думе и правили страной. А нынешние просто не любят, чтобы о них болтали. Хотя... – Гилмор провел пальцем по шраму на груди, – если уж принял казнь, так отчего не поговорить? Поговорим, брат Рикардо! Вот, – он кивнул на большой кувшин, – вот дон Грегорио, наследственный вождь смоленских вертухаев. Суд, полиция, тюрьмы – все под ним, включая Думу с потрохами, ну, разумеется, пропаганда, книгопечатание и разное прочее лицедейство... Каков он, дон Грегорио?.. Хотят ему польстить – зовут Черным Сильвером, а так кличут Живодером... Живодер и есть! А вот, – учитель поставил рядом с кувшином кружку, – вот хитрый дон Хайме со своими дерибасовскими, главный сборщик «белого»... Знаешь, отчего их так называли? По одной из одесских улиц, бывших улиц бывшей Одессы, где, надо думать, жил какой-то предок дона Хайме... «Черные клинки» с их доном Эйсебио – из местных, наследники отребья, с коим переселенцы бились-бились, да так и не выбили под корень. Теперь в Разломе царствуют, нефть качают. Не сами, разумеется, – рабов у них тысячу, берут в кибуцах, хватают фермеров за Игуасу и Негритянской рекой... Да там уж никто и не живет. Теперь крокодилеры. О!.. – Гилмор закатил глаза. – Тут понамешано всяких, пришлых и местных, и крови звериной добавлено. Эти всех сильнее и всех свирепей. Захотят, со всеми расправятся, и с дерибасовскими, и со смоленскими, и даже со «штыками». А «штыки» – те большей частью от крымских беженцев род ведут, а среди них половина были

флотскими, сражавшимися за Дружину. Военный народец, потому и «штыки»... – Мигель вдруг отодвинул кружку, пригубил из кувшина и невнятно пробормотал: – А знаешь, б-брат Рикардо, что за семья Петровы-Галицкие, которые у «штыков» верховодят? Предок-то их был адмиралом, «Полтавой» к-командовал! А может, и всем Черноморским флотом. Одесса у них н-на совести, у этой семейки. Хотя, с другой стороны...

Саймон встрепнулся, припоминая, что сообщалось в читанной им истории российско-украинского конфликта. Одесса, флот, «Полтава»... Кажется, крейсер, ракетноносный тримаран, самый мощный из боевых кораблей... Интересно, доплыл ли он до бразильских берегов и куда его подевали? Спросить у Мигеля? Или обождать, не подгоняя скакуна удачи?

Спросить, решил он наконец, но осторожно и о другом. Про самого Гилмора, Мигеля-Майкла... Майкла, не Михаила... А почему? Да и фамилия его была для Саймона загадкой; тут ощущался не иберийский аромат, а скорее влажные запахи плывущих над Темзой туманов.

Отхлебнув из кружки, он пробормотал:

– Очень любопытно... кто, откуда и чем знаменит... об этом нам в семинарии не говорили... Вот видишь, Мигель, в Архиве не только плесень пополам с протоколами! Если бы мы познакомились в Рио, в те годы, когда я учился, а тебя еще не сослали, я мог бы с твоей помощью узнать о своих предках, о Горшковых из Харькова... Надеюсь, это не запрещено?

– Н-не запрещено, однако н-не... н-невыполнимо, – ответил Майкл-Мигель, подперев потяжелевшую голову кулаком. – Древние записи – те, в Форту, где есть поименный список беглецов, – были н-не на бумаге, а н-на... н-на памятных дисках. Их без м-машин н-не прочитаешь... без спе... спе-ци-аль-ных м-машин, какие сейчас н-никому н-не сделать... Об этом вам говорили в се... в семинарии, б-брат Рикардо?

Саймон пропустил вопрос мимо ушей.

– Выходит, о собственных предках ты тоже ничего не знаешь, Мигель?

Его собеседник уже с трудом ворочал языком:

– Знаю... в-все знаю... от прадеда – к деду... от деда – к отцу... как по живой цепочке... н-никаких записей н-не надо...

– Устная традиция, – произнес Саймон, придерживая Мигеля-Майкла за пояс. – Я понимаю. Обычай местных уроженцев.

Гилмор на мгновение протрезвел и уставился на него мутным взглядом.

– М-местных? Это в каком же смысле м-местных? Теперь м-мы все тут – м-местные!

– Я не хотел сказать ничего обидного, Мигель. Я имел в виду, что ваша семья – из коренных бразильцев. Бразильцев, не бразильян.

– С-с-с... с чего т-ты взял, б-брат Рикардо? – Гилмор заикался все сильнее.

– С этого, – Саймон накрыл рукой темные длинные пальцы учителя. – Может, и есть у тебя русские предки, Мигель, но чернокожих гораздо больше. А их на Украине не водилось. Ни в Харькове, ни в Одессе, ни в Крыму.

– О... ошибаешься, б-брат Р-рикардо... – Гилмор начал медленно сползать под стол. – В Ха... Харькове... б-был... б-был... интер... ин...

Саймон склонился к нему, пытаясь разобрать невнятное бормотание, но тут грохнул выстрел, и два всадника промчались улицей, вздымая клубы пыли. Первый, рыжий Пашка-Пабло, выпалил еще раз; другой, рослый угрюмый парень по кличке Филин, молча спрыгнул с лошади, схватил кувшин с хмельным и опрокинул его над разинутой глоткой.

– Едут! – закричал Пашка, размахивая карабином. – Едут, дядька Иван! Сотня жлобов, а с ними – главная гнида! И телеги у них, много телег! Видать, тапирий блин, рассчитывают пожить!

Саймон пошарил за поясом, нащупал фризера, потом встал, подхватив Майкла-Мигеля под мышки, и отправился в свою комнату под звонницей. Вокруг царила организованная

суматоха: женщины тащили в церковь детей, мужчины и парни вставали к окнам, кто с ружьем, кто с вилами или мачете, мальчишки постарше лезли на крышу, чтобы следить за продвижением неприятеля, Педро Ушастый прятал жбаны со спиртным, а Филин, двигаясь с другого конца стола, допивал все, что осталось недопитым. Пашка, отдышавшись, пристроился у церковных врат, щелкая затвором карабина и корча жуткие гримасы; Семибратов орал, мотая пегой бородой, распоряжался: кому дверь закрывать, кому задвинуть засовы, кому из подростков мчаться в Колдобины и Марфин Угол, молить о помощи. Лицо у него было мрачным, однако глаза воинственно сверкали – ни дать ни взять, рязанский воевода перед нашествием татар. Саймон, устроив мирно храпевшего учителя, повесил на шею серебряный крест, покосился на алтарь, где за иконами и чашами был спрятан его «рейнджер», хмыкнул и направился к старосте. Палить ему тут не хотелось, а меньше того – швыряться гранатами.

– Я с ними разберусь, Иван-Хуан. – Он тронул Семибратова за плечо. – Пусть только ваши не стреляют. Проказу придержи и остальных, кто с ружьями и помоложе. Вдруг попадут! Крови потом не оберешься.

– Какая стрельба, брат-батюшка? – староста пошевелил мохнатыми бровями. – Откупимся! Их дело, понимаешь, грабить, а наше – показать, что просто так не расстанемся с добром. Вот прискачут парни из Колдобин, а может, еще из Марфина Угла, тогда торговля и начнется... И то сказать: за этот год два раза плачено, а с тапира три шкуры не сдерешь! Вот только праздник нам подпортили. А так – договоримся! Не впервой!

– Слушай, паханито, – Саймон взял Семибратова за грудки и слегка встряхнул, – на этот раз ты с ними не договоришься. Они за мной пришли, не за тапирьей шкурой – меня им и отдай. Я уведу их из деревни, а там...

– Что – там? – набычился Семибратов. – Ты, брат-батюшка, знатный боец, ежели Пашке верить, так ведь их не трое – сотня!

– Бог поможет, – сказал Саймон. – Ты в Божью помощь веруешь, Иван-Хуан?

– Верую, коль на иное надежи нет, – ответил староста, сжав одну руку в кулак, а другой будто подбрасывая монету. – Ты, батюшка, справный поп, давно у нас такого не было, и теперича я тебя не отдам. Разве что изверг всех спалить погрозится...

– Не погрозится. Просто спалит.

Они вышли на церковное крыльцо, площадку о четырех ступеньках, покрытую плотно утоптанной глиной, и Саймону почему-то вспомнилось, что ее называют папертью. Он стоял тут рядом с Пашкой, Филином и помрачневшим Семибратовым, ощущая на затылке взгляды собравшихся в церкви людей. Не оборачиваясь, он знал, что никто не смотрит ему в спину с враждой, никто ни в чем не винит; глядели с боевым задором, с трепетом или с надеждой, будто в ожидании чуда. Странное чувство вдруг охватило его; казалось, что не со звезд он прилетел, а родился на Старой Земле, учился в неведомом городе Рио и послан оттуда в Пустошь, в это селение, чтоб обрести здесь родину и служить ей как подобает, верно и честно. Служить и защищать, сделавшись горьким камнем для ее врагов – камнем, что дробит черепа и ломает кости!

Но другой Ричард Саймон – тот, родившийся на Тайяхате, пришелец со звездных миров – знал, что Путь Горьких Камней завершен и дорога за ним иная: не полет снаряда из пращи, а извилистая тропка, где на каждом шагу повороты, ловушки и ямы, где удар внезапен, где не поймешь, откуда брошено копье и куда нацелена секира.

«Завтра, – подумал он, – завтра начнется новый путь, а сегодня камень еще в полете. Мчится, вращается, жужжит! Горький камень! А вот и крысы, которых ему суждено раздавить... целый выводок клыкастых крыс, презренная добыча для воина-тай...» Привередничать, однако, не приходится.

По улице пылила кавалькада.

Всадники ехали по трое в ряд, раскачиваясь в седлах, небрежно приопустив стволы карабинов и озираясь по сторонам с хищным блеском в глазах или с хозяйской уверенной важностью. Были они всех цветов и оттенков кожи, светловолосые и с шапками темных нечесанных кудрей, в безрукавках, рубашках или нагие по пояс – пестрое воинство, извергнутое в Пустошь за провинности и грехи. Саймон знал, что их называют дикими – в том смысле, что эти люди не подчинялись ни одному из крупных кланов, не относились к вольным отстрельщикам и бродили по окраинам страны, действуя в одиночестве или сбиваясь в шайки и воруя скот, если шайка была невелика, или терроризируя всю округу, когда у них появлялся вожак, а с ним – порядок, многочисленность и сила. Почему их терпела власть? Этого Саймон еще не понимал. Возможно, власть была слаба; возможно, «дикие» служили ей на свой манер, став частью государственной машины. Чем-то вроде канализации, куда сливали все опасные отходы и отбросы.

Головной отряд, человек сорок, остановился меж кабаком и амбаром, задние двинулись к церкви, обтекая ее справа и слева. За ними катились возы – несколько больших телег, груженных хворостом и черными железными бочками. Увидев их, Пашка Проказа присвистнул, а староста побледнел и как-то разом сник; теперь он казался не воеводой, идущим на рать, но проигравшим битву полководцем.

– А ведь ты прав, батюшка, – пробормотал Семибратов, – жечь он нас собирается... Жечь, изверг!

Саймон втянул ноздрями воздух и поморщился – от бочек несло бензином. Или другим допотопным топливом, каким в Разъединенных Мирах снабжались лишь Каторжные Планеты.

– Не будет он вас жечь. Не дам!

– Так ведь иначе... – произнес Пашка и смолк, уставившись в землю и в бессилии кусая губы. Саймон похлопал его по плечу и наклонился к старосте.

– Не твоя драка, Иван-Хуан, и не твоя забота. Не мешайся! Твое дело – о деревне заботиться, о людях своих и о Коляне, которого я окрестил.

– Так... это что же? Уйдешь и не вернешься? Смерть примешь, брат-батюшка? Они ж тебя термитам бросят! Или конями разорвут!

– Я вернусь, – сказал Саймон. – Не насовсем, но вернусь. Ты много ли огибаловским в год платил? – Губы старосты зашевелились, будто он подсчитывал про себя, но Саймон, усмехнувшись, подтолкнул его к церковным дверям. – Иди, Иван-Хуан. Я с тебя меньше возьму.

Спустившись с крыльца и все еще улыбаясь, он зашагал к всадникам. Видение разоренной деревни – той, на Латмерике – медленно таяло, расплывалось, исчезало, будто свежий послеполюденный ветер уносил его в степь и, раздирая в клочья, хоронил меж зеленых трав и лесистых холмов. «Не будет здесь ни пожарищ, ни мертвецов на столбах, ни вспоротых животов, – подумал Саймон. – Не будет!» На этот раз он явился вовремя.

Он шел напрямик к худощавому всаднику на вороном жеребце, угадав в нем предводителя: скакун его был получше прочих, седло, стремяна и карабин отделаны серебром, а на бедре покоился револьвер с перламутровой рукоятью и массивным ребристым барабаном. Ни бороды, ни усов вожак не носил, зато щеки его и подбородок были изрыты кратерами, словно поверхность Луны. Оспа, догадался Саймон, ощутив мгновенный укол изумления. Кажется, вакцину тут тоже не делали, как и компьютеры с ракетами.

Рябой вожак, прищурившись, посмотрел на него, повернулся, оглядел растянувшихся полукольцом всадников и ощерил рот в ухмылке.

– Ну, что скажете, братья-бразильяны? Собирались попа выкуривать, а он сам явился! И крест принес, из-за которого у них с Хрящом-покойником свара вышла... Молодец! Пони-

мает, что дон Огибалов – не Хрящ: тот насильничал да отбирал, а дону сами тащат! И крест, и шею вместе с крестом!

«На публику работает», – подумал Саймон, изучая оружие рябого. Приклад карабина был украшен серебряной фигуркой – застывший в прыжке ягуар с грозно разинутой пастью. И револьвер хорош, с барабаном размером с кулак, на десять патронов, а может, на все двенадцать; выложенная перламутром рукоять искрилась и блистала радужными сполохами. Саймон мог дотронуться до нее пальцем.

Седло заскрипело. Огибалов склонился к нему, заглядывая в глаза.

– Говорили в корчме, что ты, поп, звал непонятливых в Семибратовку, чтоб слово Божье им растолковать. Вот я и приехал. Тащился по жаре, пыль глотал, а ты молчишь... Нехорошо! Но есть способ делать людей разговорчивыми, даже очень. Знаешь, какой?

Саймон перекрестился и смиренно сложил руки перед грудью:

– Если ты о термитах, так они меня не тронут. Ни термиты, ни муравьи, никакая иная тварь. Готов побиться об заклад!

Рябой потер бугристую щеку. Кисти у него были крупными, сильными, и пару секунд Саймон соображал, как будет выглядеть его большой палец на Ожерелье Доблести, между клыков саблезубого кабана. Потом оставил эту идею; место являлось слишком почетным для крысиных когтей.

– Не тронут, говоришь? Об заклад готов побиться? А заклад-то какой? Я вот поставлю Хряща и всех его мертвых подельников, а ты что?

– Крест, свою голову и всю деревню, – сказал Саймон.

– Это и так мое, – ответил Огибалов и махнул рукой дюжине спешившихся всадников. – Эй, Анхель! Кобелино! Попа упаковать – и на лошадь! Поедем в Голый овраг, развлечемся... А ты останешься здесь, с возами и своим десятком. Ждать меня, ничего не трогать! Ни спиртного, ни баб, ни девок. Вернусь, мы со старостой потолкуем. Я ему устрою экспроприацию! Поп-то деревню, считай, проспорил!

«Десяток, – раздумывал Саймон, пока ему скручивали локти проволочным жгутом и втаскивали на смиренного мерина. – Десяток – это ничего... меньше, чем ничего... С десятком и с этим Кобелино я разберусь по-тихому, без драки и пальбы. Лишь бы семибратовские не взъярились! Хозяева-то стерпят, у них усадьбы и семьи, а вот Пашка с Филином... и прочие, из молодых... Затеют резню, и будет десять трупов с одной стороны и десять – с другой...»

Обернувшись и поймав тоскливый взгляд Семибратова, он кивнул на спешившихся всадников и строго покачал головой. Потом над ухом у него гикнули, взметнулась пыль из-под копыт и затянула улицу, заборы, стены и крыши домов желтым душным маревом. Теперь, выворачивая шею, Саймон видел только звонницу с восьмиконечным крестом; пыльное облако подрагивало, но ему чудилось, что раскачиваются крест и колокол под ним.

Колокол и в самом деле качнулся. Протяжный похоронный звон поплыл над Семибратовкой.

* * *

С проволокой Саймон справился минут за десять – незаметно напрягая мышцы, растянул, где удалось растянуть, но с осторожностью, чтоб не поранить предплечья. Искусство освобождаться от пут, преподавшее Чочингой, не требовало силы; главным являлось умение расслабляться, когда кость будто бы становилась гибкой резиной, а плоть текла с такой же легкостью, с какой вода заполняет сосуд. Саймон проделывал этот фокус множество раз: и в юности, когда Наставник связывал его ремнями, а после засыпал песком, и в Учебном Центре, где практиковались с наручниками и смирительной рубашкой. Ремни были гораздо

хуже: Чочинга вымачивал и растягивал их, а в горячем песке они высыхали в одно мгновение.

«Все же есть у проволоки свои преимущества, – думал Саймон, чуть пошевеливая локтями. – Во-первых, ее не растянешь, как мокрый ремень, а, во-вторых, термиты ее не жрут. Так что у человека обычного, который не прыгал по острым кольям, не бегал по углям и не распуtywал смиренных рубашек, шансов вылезти из термитника маловато. Пожалуй, никаких».

Он поднял голову и осмотрелся. На середине дороги меж Семибратовкой и Дурасом огибаловские свернули, проехали тапиры выпасы и пересохший ручей, где петляла в камнях жидкая струйка воды, и теперь направлялись к холмам на западе – пологим, невысоким, рассеченным множеством трещин и оврагов. Здесь, на плоских камнях, среди кактусов, дремали большие ящерицы, а в небе парили грифы – черные, с длинными шеями и белой оторочкой крыльев. Солнце огромным пылающим шаром висело над холмами, а снизу его подпирали облака – не легкие и пушистые, какие плывут в небесной синеве, а распластавшийся над плоскими вершинами сизо-серый блин. Солнце подсвечивало его, добавляя к серому багровые и красные тона.

«Кровавый будет закат», – подумал Саймон, привстав в стременах. Мерин под ним захрапел, и рябой главарь, ехавший чуть впереди, обернулся; по губам его змеилась усмешка, а щеки в кратерах оспин казались отлитыми из шершавой меди.

– Ты, поп, однако, не из трусливых, – произнес он, поравнявшись с пленником. – Не скулишь, не ноешь и песен не поешь... Разве тебя не обучили псалмы петь?

– Еще спою, – пообещал Саймон. – Когда доберемся до места.

– Там-то споешь! А заодно и спляшешь. – Огибалов опять усмехнулся и вдруг, пригасив ухмылку, спросил: – Давно из Рио? С месяц?

– С месяц. Или около того.

– Жаль тебя швырять на съедение тараканам, не расспросив о новостях... Кобелино – он почтовых девок охмурил, а у тех радио есть от «штыков» – говорит, что Живодер нынче дружится с Анакондой. Вроде бы дочку за него просватал... Верно?

Саймон пожал плечами:

– Анаконда – кто такой?

На рябом лице Огибалова изобразилось удивление, кадык на жилистой шее дернулся, рука потянулась к револьверу.

– Шутки шутишь, поп? Ты откуда сверзился? С другого полушария? – Он сделал паузу, разглядывая пленника с каким-то новым, нехорошим интересом. – На бляха вроде не похож и на чекиста тоже, не эмиратский и не мосол... Срушник, что ли? Из ЦЕРУ?

– Оттуда, – подтвердил Саймон. Конечно, между Центральным Разведуправлением, Колумбия, и Центрально-Европейской Республикой, Украина, Земля, особого сходства не наблюдалось, но он не собирался посвящать рябого в такие детали. Внезапно ему пришла мысль, что он ничем не рискует, расспрашивая Огибалова и демонстрируя собственную неосведомленность; что бы о нем ни подумал главарь, за кого бы ни принял, это уже не имело значения. Рябой был почти что трупом.

Ему хотелось поговорить – возможно, по той же причине, что и Саймону; ведь он тоже считал, что ехавший рядом пленник – почти мертвец. Он пустился в воспоминания о Рио, о тех золотых деньках, когда он был не отморозком, а сборщиком «черного» у Монтальвана, катался на бронированной тачке, а не на лошади, и открывал пинком любую дверь с изображением окутанной плащом фигуры. Длинные «плащи», как понял Саймон, являлись не самой многочисленной из банд и не могли конкурировать с дерibasовскими или смоленскими, «штыками» или «крокодилерами». Но все же это был почтенный и уважаемый клан, уцелевший в эпохи всех передраг и Переделов и даже обогатившийся во время последнего,

когда уничтожили десперадос, отчаянных херсонских беспредельщиков. Сейчас под контролем и покровительством «плащей» находилось медицинское ведомство, а кроме того, все кабаки, поставки спиртного, лекарств, девиц для развлечений и призовых бойцов. Правда, наркотики – или, по-местному, дурь – не значились в этом списке, так как на них был наложен суровый запрет. За дурь казнили на месте, полагая, что потребляющий «травку» не работник, а значит, наносит ущерб государственным интересам.

Что касается рябого, то он занимался спиртным и помнил каждый кабак в Рио и в Санта-Севаста-ду-Форталезе, где началась его карьера мытаря. Из-за чего она прервалась, Огibalов Саймону не объяснил, но это не нуждалось в комментариях: деньги, «черные» или «белые», имели свойство прилипать к рукам. Видимо, дон Монтальван, глава «плащей», подобных фокусов не приветствовал.

Холмы с накрывшими их облаками были уже рядом, и Саймон понял, что это искусственные образования – какие-то насыпи или отвалы пустой породы, смешанной с бесформенными бетонными глыбами. Солнце висело еще высоко, когда отряд углубился в лощину между двух холмов, переходившую в хаос оврагов, то узких, то широких, с обрывистыми каменистыми стенами, укрепленными кое-где проржавевшими стальными балками, на которых висели такие же ржавые перекошенные ворота. Ящериц тут не было, растительность казалась скудной, а вскоре исчезла совсем, только странный белесый лишайник торчал в трещинах и щелях – словно грязноватая пена, выдавленная из недр земли. Копыта лошадей глухо стучали по камню, и протяжное эхо откликалось на людские голоса и смех, как бы передразнивая или желая поучаствовать в предстоящем веселье.

– Недолго осталось, – произнес рябой, посматривая на Саймона. – Тебе, поп, следует дважды меня благодарить: за то, что отправляю к Богу, и за мои рассказы. А ты вот ничем меня не развлек.

– Еще развлеку, – пообещал Саймон. – Голос у меня неплохой. Ты ведь, кажется, хотел псалом послушать?

Край солнечного диска коснулся облаков, и они внезапно вспыхнули, налились кровавым светом, запылали, напомнив Саймону небо над Чимарой. Небеса его детства... Закаты там были сказочные, и горы, в которых лежала деревня, звались Тисую-Амат, что значило Проводы Солнца. Он не раз провожал его вместе с Чией, своей четырехрукой подружкой, но люди тайят в большинстве не любили глядеть, как садится солнце. Утро являлось для них символом жизни, ночь – смерти, и потому врагу желали, чтоб сдох он в кровавый закат. Как раз такой, какой пылал в этот вечер над Пустошью.

Проход меж каменных стен расширился, превратившись в круглую площадку, срезанную с северной стороны. Там темнел провал – видимо, неглубокий, так как Саймону удалось рассмотреть что-то серое, округлое, поднимавшееся вровень с краем обрыва. Термитник, догадался он, огромный термитник, запрятаный в лабиринте холмов и расселин... А эта площадка – Голый овраг? Отвесные стены из бетонных плит, поверх – ржавые столбы, с которых затейливой паутиной свисает проволока, и под копытами лошадей – тоже бетон, потемневший от времени, но все еще прочный, ровный, с неглубокими выбоинами... Будто бетонная пробка, которой заткнули сосуд с опасным содержимым...

Внезапно Саймон понял, что находится в древнем могильнике, над одной из шахт, в которых хоронили радиоактивные отходы – или, возможно, отравляющие вещества, культуры вредоносных вирусов, штаммы жутких болезней. В эпоху Исхода Земля не подвергалась глобальной чистке, практиковавшейся ныне в Разъединенных Мирах, где, кроме Каторжных Планет, имелись необитаемые Планеты-Свалки. Покинув свою колыбель, люди бросили в ней ворох перепачканных пеленок; быть может, предполагалось их отстирать, но этот процесс изрядно задержался – впрочем, не по вине Транспортной Службы ООН, ведав-

шей межзвездной связью. Кто мог предполагать в период Разъединения, что колыбель на триста лет окажется под прочными замками?

Кони встали, вожак и часть всадников спешили, пленника сдернули наземь. Теперь он был окружен плотной толпой – лица с застывшими ухмылками, хищный блеск зрачков, оскаленные пасти... Едкий запах пота витал в воздухе.

– Эй, срань господня! – раздался возглас. – Хрящу передавай привет!

– Он тебя поджидает, со сковородкой и вилами!

– А зря, – откликнулся кто-то. – После тараканов жарить нечего. Жадные до мяса!

Рябой подмигнул Саймону и покосился на обрыв с серым конусом термитника.

– Жадные, верно! Видишь ли, жрачки здесь нет, так мы их подкармливаем чем придется. Когда попом, когда иным упрямцем – из тех, что дань не платят. – Он кивнул в сторону провала. – Ну, как, сам пойдешь? Проверишь, тронут тебя или не тронут? Мы ведь вроде бы о заклад побились?

– Побились, – подтвердил Саймон. – И я, кажется, выиграл.

Руки его, сведенные за спиной, расслабились, и провололочные браслеты соскользнули с них, как с пары обвисших веревок. В следующую секунду он ударил жоака ребром ладони в горло; тот страшно захрипел, закатил глаза, отшатнулся, падая под копыта испуганной лошади, но жеребец не смог подняться на дыбы – Саймон, с револьвером в руке, уже стискивал бока вороного коленями. Он выстрелил трижды; золотистые гильзы шаркнули о бетон, трое упали, остальные подались в стороны, кто-то свалился под напором лошади, кого-то Саймон ударил в грудь ногой, чей-то клинок блеснул у его бедра, прочертив кровавую полосу на конском крупе. Он вырвался. Он знал, что имеет в запасе столько времени, сколько надо, чтоб вскинуть к плечу карабин.

Это было внушительным преимуществом. На миг Саймон увидел всю картину со стороны: коня, распластавшегося в прыжке; спешившихся бандитов – одни ловили стремя, другие поднимались в седла; всадников и вороненые стволы в их руках – стволы двигались вслед за его лошадью, но медленно, так медленно!.. Он успел вытащить фризер, свернуть головку активатора и швырнуть гранату – точно в центр толпы, сгрудившейся в древнем могильнике. Затем грянули выстрелы, дико заржал жеребец, но Саймон, стискивая поводья и упираясь носком в стремя, уже висел у теплого лошадиного бока, защищенный от пуль. Кажется, конь не был ранен, только испуган – обняв его шею, Саймон чувствовал, как дрожит вороной, с каждым скачком уносивший его от эпицентра взрыва. Он глубоко вдохнул и зажмурился, прижимаясь к коню; в следующий момент волна ледящего холода настигла их, обожгла мириадами иголок и схлынула, будто нагретый солнцем бетон слизнул ее шершавым языком.

Саймон спрыгнул на землю, похлопал по шее скакуна – тот дрожал мелкой дрожью, косил испуганным темным зрачком – и оглянулся. Фризер был хитроумным изделием, своеобразной «черной дырой» – он понижал температуру в локальной области пространства, причем ее границы, равно как и достигаемый эффект, зависели от мощности заряда. Карательный Корпус ООН использовал боевые вакуум-фризеры; их радиус действия мог составлять до километра, и вся эта зона на три, пять или десять минут погружалась в холод космической бездны. В ЦРУ применяли более скромную технику: фризер Саймона вымораживал все живое на двадцать метров вокруг, а дальше – как повезет.

Повезло немногим, и вряд ли это стоило считать везением.

В центре бетонной площадки застыли всадники на лошадях – перекошенные лица, почерневшие рты, заиндевшие волосы; иней покрывал скакунов, седла, сбрую, оружие и одежду, так что казалось, что на людей и животных вдруг пролился внезапный дождь из жидкого серебра. Все они скончались быстро: кристаллизация крови и клеточного субстрата вела к разрыву тканей и поражению сосудов – явлениям необратимым и, разумеется, смертельным. Те, кто очутился на периферии взрыва, еще жили, отделенные от вечности парой

минут и безмолвными мучительными содроганиями, – ледяной воздух спалил им легкие и гортань, а из разинутых глоток не вырывалось ни звука. Не успевшим вскочить на лошадь досталось меньше – видимо, эти люди, пять или шесть человек, осматривали труп жожака и сейчас корчились и хрипели на земле, выплевывая остатки легких. Саймон снял с седла карабин, направился к ним и прикончил несколькими выстрелами.

Он постоял недолго у края обрыва, глядя на гигантский термитник с дырой при вершине. Там сустились насекомые: солдаты – удивительно крупные, четырехсантиметровые, с мощными изогнутыми жвалами, и рабочие – те были поменьше и двигались быстрее солдат. Что бы ни схоронили в этом старом могильнике, ни яд, ни радиация не нанесли термитам вреда – скорей наоборот. Живучая мерзость, подумал Саймон, наблюдая, как рабочие заделывают пролом. Дыра была еще велика, и он разглядел чьи-то руки, обглоданные до костей, обвязанные проволокой.

Песня... Он обещал, что споет песню... Не поминальный псалом и не Песню Вызова – ведь битва кончилась, да и рябой с его воинством не заслужили честного вызова на поединок.

Взгляд Саймона обратился к небесам, пылающим красками заката, и он запел. Голос у него был сильный, звучный, как у отца, и древний тайятский гимн, с которым провожали в Погребальные Пещеры, разнесся над площадкой, заваленной телами. Но Саймон пел не им, а человеку в термитнике, скелету, что простирал к нему руки в последнем беспомощном усилии; жертва, а не убийцы, была достойна песни.

Вороной поджидал его, пугливо косясь на застывших мертвецов. Саймон вскочил в седло, тронул повод; копыта загрохотали о бетон, потом их мерный стук сделался глуше – теперь они ехали оврагом. Позади лежали два могильника, древний и совсем свежий, но Саймон не думал о них, пытаясь представить, что ждет его в Семибратовке. Путь Горьких Камней закончился, и начиналась другая дорога, ведущая в Рио; еще одна деталь, последний штрих, и он шагнет на новую тропу.

Кобелино. Его люди. Десять или двенадцать человек... Можно убить, можно прогнать, можно забрать с собою...

Два Ричарда Саймона, воин-тай и агент ЦРУ, вели неторопливый диалог, спорили, напоминали, подсказывали друг другу. Убить, советовал воин; использовать, возражал агент. Воин усмехался: как?... и зачем?... Крысы – плохие помощники. Если кто-то необходим, возьми надежных – Проказу, Филина... Гилмора, наконец, – он пойдет с тобой, а ему известно многое. Многое, но не все, откликнулся агент; он – не бандерос, он – иной человек, теоретик, не практик. А всякую вещь следует обозреть со всех сторон. Как говорил Наставник, рубят лезвием, а держатся за древко... Наставник прав, кивал воин; но десять секир в сражении только помеха. Не хватит ли одной? С древком потолще и с самым длинным языком? Хватит, соглашался агент и вспоминал слова дьячка из церкви в Дурасе. Невинный младенец от Кобелины... девку силком взял, но от отцовства не отказался... редкий случай!

«Редкий для бандита и насильника, – подвел итог Ричард Саймон. – Пожалуй, Кобелино достоин поощрения – ну, не поощрения, так милости. Ради младенца, которого признал своим. Столь же невинного, как Николай-Никколо...»

Вспомнив о Коляне, Саймон улыбнулся. Извилистый путь, подумалось ему; утром был священником, днем – приговоренным к смерти, а после – судьей и палачом... А завтра?

Стены последнего оврага раздались, и он выехал в степь.

КОММЕНТАРИЙ МЕЖДУ СТРОК

В комнате с низким потолком и окошком в северной стене помещались топчан, сундук и табурет. Сундук был массивным, с плоской крышкой, и служил в качестве стола; еще в нем

хранились пара сапог, «плащ» и кое-какие мелочи, включая толстую, на пару сотен листов тетрадь с поделенными пополам страницами. Слева писались стихи, справа – дневник. Не все левые половинки были заполнены, ибо вдохновение не придерживалось распорядка – приходило и уходило когда вздумается. Но справа записи велись изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год – Гилмор, если не считать пристрастия к спиртному, был человеком аккуратным.

«Странный священник, – раздумывал он, глядя на пламя свечи, – очень странный... Может, и не священник вовсе; те имя Господа поминают через раз, и всякий молебен у них заканчивается как положено, с благодарностью дону Хайме-Якову, чей департамент покровительствует церкви. А этот о доне Хайме – ни полслова... И вообще о политике не говорит, ни о Думе, ни о бандеро, ни о донях, которых надобно поименно в воскресной службе называть, желая им всяческих благ... Не говорит, а только слушает! Странный поп...»

И обряды творит странные, будто в семинарии не обучался. Нарек младенца Николаем и в церковные книги занес, а имя-то – запретное... Ну, не совсем запретное, скорее – не рекомендованное... Древнее имя, проклятое! Староста, дремучий человек, о том не ведает, не знает, как и родители младенца, а вот священник обязан знать: так звали последнего из вожakov донецких, преданного анафеме и распятого крокодилъерами. А брат Рикардо...»

Прозвонил колокол, призывая на ужин, но Гилмор лишь поморщился с досадой. Два года он прожил на фазенде Ивана-Хуана и тут же столовался, но к пище привыкнуть не мог – слишком много мяса, жирного перченого мяса, от которого его временами тошнило. В кибуце – другая крайность: там кормили вареной брюквой да отрубями, и за пять месяцев он так отощал, что не мог ворочать мотыгой. Тем более после бичевания...

Вздыхнув, он погладил шрамы на боку и животе. Чего не выдержишь ради идеи! Или по приказу... А если они сходятся вместе, если приказ созвучен идее и подкреплен ею, то это уже пахнет фанатизмом... Но он не фанатик, нет! Он всегда ненавидел фанатиков – тех, кто обездолил его, лишил новой родины, закрыв Землю и развязав войну. И чем все кончилось? Множеством смертей, разрухой, бегством, обнищанием... Пусть это случилось в древности, не с ним, с далеким предком, он ощущал отчаяние и боль; когда они становились нестерпимыми, он пил. Пулька дарила забвение – пулька, стихи и мысль о том, что служит он благому делу. Хотя и недостойным способом...

Возможно, брат Рикардо тоже служит?.. Но кому? На обезлюдевшей Земле не так уж много мест, где могут предложить такую службу... Собственно, три или четыре... И ни в одном из них не научат тому, что умеет брат Рикардо...

Загадочная личность! Как он разделался с отморозками? Уехала сотня, вернулся один... Бог помог! И с людьми Кобелино тоже? Гилмор вспомнил трупы с аккуратными дырками между глаз, вспомнил, как выл Кобелино, вымаливая пощаду, и поежился. Да, брат Рикардо – страшный человек! Безжалостный, как дьявол! Может, дьявол и есть? Сам Люцифер из таинственных бездн преисподней... А таинственное так притягивает, так зачаровывает...

Он сказал: ты нужен мне. Он сказал: вернемся в Рио. Он сказал: стань мне другом и не бойся, я сумею тебя защитить. Тебя и всех, кто поедет со мной без принуждения, добровольно... И добавил, ничего не объясняя: меня ждут в ином месте, а здесь мое служение закончено. Служение! Все-таки служение! И – закончено... Тут закончено...

Староста согласился отпустить. Дремучий человек Иван-Хуан, но в сметке ему не откажешь... Прагматик и реалист, как все ранчеро... О чем подумает – не скажет, лишнего не спросит и все принимает как есть... Не было попа, была банда – платил, появился поп, и банде – конец; значит, надо платить попу. А теперь не будет ни банды, ни попа... Пожалуй, это самое лучшее – иначе каждый день придется задавать вопрос, как были убиты огибаловские... Страшный вопрос, если вдуматься!

Вытащив тетрадь, Гилмор раскрыл ее, пересчитал чистые страницы и вздохнул. Их оставалось двадцать четыре, а исписанных и пронумерованных – около двухсот. Два с половиной года в Пустоши... Наверное, хватит, подумал он; наверное, можно уже вернуться и доложить о своих изысканиях и трудах. О брате Рикардо, самой ценной из всех находок...

Но это являлось не единственной причиной. Тайна брата Рикардо манила, а голос его повторял: будь мне другом... будь мне другом, Мигель, и не бойся, не бойся... Он все-таки боялся, но любопытство пересиливало страх. Грешен, грешен, подумал он с улыбкой.

Колокол снова прозвонил – персонально для Мигеля-Майкла Гилмора, который всякий раз опаздывал к столу. Зовут, надо идти, есть мясо, вдыхать его запах...

Поморщившись, он встал, шагнул к порогу.

Рио! Ах, Рио! Город у лазурных вод, под синеватой скалой Форта... И хлеб, хлеб, который везут с аргентинских равнин... Много хлеба, белого, пышного, легкого, с поджаристой коркой... Он так стосковался по хлебу...

Вот Путь Извилистого Оврага – внезапный, как трещина в земле, когда колеблет ее огнем из недр. Тянется щель, и на каждом шагу – повороты, завалы и ямы; и схватка будто извилистая трещина: удар внезапен, резок, и не поймешь, куда нацелены клинки и где поет секира, а где свистит копье.

Из Поучений

Чочинги Крепкорукого

ГЛАВА 4

К Харбохе они подъехали в обеденный час, под мелким теплым дождиком, рябившим шоколадную речную гладь. Парана тут была широка и глубока; сотни рек и речушек струили в нее свои воды, а кое-где она разливалась большими овальными озерами – там, где на месте прибрежных городов когда-то зияли кратеры. Одно из таких озер путники миновали по дороге, и Саймон, задействовав свой браслет, узнал, что тут находился Росарио, крупный портовый центр, переброшенный, разумеется, на Южмерику. Километрах в двадцати от затопленного кратера река сужалась, и здесь ее пересекал Старый Мост – ржавая железная конструкция на гранитных быках, охраняемая фортом с земляными стенами. Под южной его стеной находилось низкое одноэтажное здание с ямой и воротом на вытоптанном пятачке – полицейский участок, или, по-местному, живодерня, где проводились казни и экзекуции. Из ямы тянуло смрадным запахом, а свисавшая с ворота цепь раскачивалась на ветру и гулко билась о кирпичный парапет. Рельсы двухколейки шли вдоль убогих городских окраин, мимо форта и полицейского участка, взбирались на мост и уходили в занавешенную туманами болотистую травянистую низину, стремясь к предгорьям Анд, к чилийским рудникам и оружейным заводам Военного департамента – иными словами, к вотчине «штыков». Что касается Харбохи, то ее, по словам Кобелино, «держали» «крокодилеры» и «торпеды»; первые занимались поставками мяса и кож, прерогативой вторых были речные перевозки. Разумеется, у прочих кланов тоже имелся тут свой интерес – так, все городские увеселительные заведения состояли под покровительством «плащей», а вертухай, стражи порядка, подчинялись дону-протектору, наместнику смоленских.

Путники остановили лошадей, не доезжая форта, и Саймон, морщась и стараясь не принюхиваться к смраду, исходившему от ямы, взглянул на мост и порожденный им город. Слева, вдоль речного берега, тянулись складские сараи и причалы из потемневших бревен, а около них, в воде – плоты, груженные бочками и мешками, баркасы и неуклюжие парусники, среди которых затерялись два колесных парохода. За причалами и сараями шла грязная улица со сточными канавами по краям, обстроенная двух- и трехэтажными домами – когда-то белыми, а сейчас посеревшими, с дождевыми потеками на стенах. Эти строения были явно нежилыми – тут и там виднелись облупленные вывески, и ветер доносил запахи жареного мяса, рыбы и смутный гул людских голосов. Город располагался правее – хаос узких улочек и все тех же серых домов, над которыми торчали церковные купола и башня над резиденцией дона-протектора. Все тонуло в жирной черной грязи; местность была болотистой, улицы – немощеными, а дождь в этих краях шел триста дней в году. В остальное время он сменялся ливнем.

Разглядывая этот пейзаж, Саймон угрюмо хмурился. В Пустоши – пыль, убожество, тут – убожество и грязь, и то же самое – по дороге, смешанное в равных пропорциях... Не Земля, тень Земли!

Он повернулся к мосту. Там, за серой пеленой дождя, медленно полз паровик с высокой трубой, тащивший платформы, набитые вооруженными людьми, и бронированный вагон с парой орудийных башен. На крыше вагона сидели солдаты в шлемах и промокших накидках и еще какие-то молодцы в шляпах размером с тележное колесо.

– «Крокодилеры» и «штыки», – пробормотал Кобелино, вытерев мокрое лицо и сплюнув. Он, как и покойный Огибалов, когда-то принадлежал к «плащам», ходил в охранниках-вышибалах и не любил «крокодилеров» и «штыков». С ними были вечные хлопоты: пили они крепко, а расплачивались туго.

– Драпают, – произнес Пашка-Пабло, ухмыляясь до ушей. – Видать, гаучо надрали им задницы!

Филин, по своему обыкновению, молча кивнул, поглаживая приклад карабина, но Майкл-Мигель, единственный безоружный в их пятерке, бросил на Кобелино неприязненный взгляд и с сомнением прищурился.

– Я полагаю, кто кого надрал – вопрос договоренности, – заметил он. – Гаучо нам нужны, чтоб было с кем сцепиться, когда придет охота кровь пустить, а мы необходимы гаучо, чтоб было кого пограбить. И все это, друг Проказа, называется взаимовыгодным политическим соглашением.

Саймон ничего не сказал, но про себя согласился с Гилмором. Он уже выяснил на личном опыте, что гаучо – отнюдь не благородные повстанцы, а бандитский клан, такой же, как остальные местные бандеро, со своими паханами и буграми, а также особой специализацией. Вот уже полтора столетия гаучо числились в диссидентах, но их вожди, последним из коих был дон Федор-Фидель, в сущности, возглавляли один из штатных департаментов – Бунтов и Мятежей.

– Поедем? – Взгляд темных влажных глаз Кобелино обратился к Саймону. – Мне тут такое местечко известно, хозяин! Зовется «Парадиз», крыша – веником, зато чикиты первосортные, на разноцветных простынях, пива – залейся, и крокодильи хвосты подают, копченые и тушеные... Друг мой там в вышибалах, Валека... Выпьем, попрыгаем на девочках, а заодно и обсохнем... Годится, хозяин?

Кобелино звал Саймона хозяином, и никак иначе. Такой была давняя традиция среди кланов, да и прочего населения ФРБ: раз сильный, значит – хозяин. Большой хозяин – дон, хозяева помельче – паханы и паханито, они же – бригадиры-бугры... Сильный был прав в любой ситуации, ему принадлежали власть, богатство и человеческие судьбы; он мог отнять жизнь и мог ее подарить – так, как Саймон подарил жизнь Кобелино, сделавшись его хозяином. Но не навеки, не навсегда, а лишь до той поры, пока не встретится другой хозяин, посильнее.

Что касается Пашки, Филина и Мигеля, они по-прежнему звали его братом Рикардо, но слово «брат» имело совсем иной оттенок, тот первоначальный смысл, лишенный религиозности и означавший самую тесную близость среди мужчин. Для Пашки и Филина он был братом-вождем, имевшим некие загадочные цели, о коих нельзя расспрашивать – да и не стоит, поскольку вождю лучше известно, что плохо и что хорошо. Они шли за ним, они сражались рядом и были готовы умереть – как в тот раз, на переправе через Рио-Негро, когда на них напали «черные клинки», и в другой, когда за ними увязались гаучо, и в третий, и в четвертый... Их верность не подлежала сомнению; в отличие от Кобелино они считали, что брат Рикардо – самый сильный, и если б встретился сильнейший, не стали б выбирать между гибелью и предательством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.